Золушка. Жизнь после бала

Автор:
Татьяна Герцик

Золушка. Жизнь после бала

Татьяна Герцик

Антизолушка #2

Как тяжело, когда любимый влюблен в другую. И не просто в другую, а в твою подругу, которая к тому же работает с тобой в одном отделе. И когда он смотрит на нее влюбленными глазами, невыносимо болит сердце. Но приходится делать вид, что все хорошо, что все в порядке…

Татьяна Герцик

Золушка. Жизнь после бала

Эта книга предназначена исключительно для Вашего личного использования.

Она не может быть перепродана или отдана другим людям. Если Вы хотели бы поделиться этой книгой с другими, пожалуйста, купите дополнительную копию для каждого получателя. Если Вы читаете эту книгу и не покупали ее, или она не была куплена только для Вашего использования, то, пожалуйста, купите свою собственную копию.

Спасибо за уважение к нелегкой работе автора.

Пролог

Завывала метель, северный ветер разгулялся не на шутку. Снег слепил глаза, залеплял лицо, медленно таял на коже и ледяными потеками сползал вниз. А что? Вполне нормальная зимняя погода. Пригнувшись, я упрямо шла против ветра, подняв капюшон и замотавшись шарфом по самые уши. Дойдя до конторы, притормозила, пропуская спешащих коллег.

После недолгого ожидания раздался ровный гул мощного мотора, и рядом со мной остановился черный мерседес. Я замерла, не отрывая от него взгляд, стараясь протолкнуть в легкие ставший отчего-то вязким воздух.

Из машины вышел высокий сильный мужчина в одном костюме с непокрытой темно-русой головой. Не замечая меня, открыл дверцу, помог выйти из машины Лизе, первой красавице нашей конторы, а, может, и города. Бережно поддерживая, проводил ее до дверей, на прощанье нежно поцеловал в щечку и уехал.

И только тогда я смогла оторвать от асфальта закоченевшие ноги.

Вошла в фойе, провела проходилкой по дисплею вертушки, прошла внутрь. По привычке повернула голову направо, посмотрела в большое зеркало. И зря. Отражение красноносой, с горящими щеками девицы мне никакого удовольствия не доставило. По щекам холодными струйками текли то ли слезы, то ли растаявший снег. Достала платок, вытерла глаза и щеки, осуждающе покачала головой, все так же глядя в зеркало.

Это непогода. Это просто мороз, ветер и снег. Метель, одним словом. И ничего больше.

Глава первая

– Вставай, солнышко мое! – раздался над ухом мягкий бабушкин голос, и меня ласково потрепали по плечу.

Открыла глаза и сладко потянулась. Как приятно быть чьим-то солнышком. Эх, повезло мне! Крупно повезло!

Открыла глаза и повела носом. Аромат кофе приятно щекотал ноздри. Бабушка позвала уже из кухни:

– Катюша, поторопись, на работу опоздаешь!

Посмотрела на часы. В самом деле, уже восемь часов. Интересно, почему я опять не услышала будильника? На бабушку надеюсь? Нехорошо. Пришлось ускориться. Шустренько провела гигиенические процедуры и побежала на кухню.

Уррра! Кроме бодрящего кофе на столе стояла моя любимая манная кашка с кусочками яблока, сливы и абрикоса. Детская еда, но мне очень нравится. Бабушка умеет готовить эту простенькую кашку так, что она никогда не надоедает. Во всяком случае, мне.

Быстро съела. Вкусно, но мало. Вопросительно посмотрела на бабушку, намекая на добавку. Она укоризненно заметила:

– Ты и так неправильно питаешься. Кашки одни, к тому же манные. Смотри, растолстеешь!

Вот уж что меня совершенно не пугало. Не потому, что я не могла растолстеть, а потому, что мне не для кого было держать форму. А себе я нравлюсь любая. Я вообще без комплексов. Почти. Да и какие могут быть комплексы у старой девы под тридцать лет?

– Поторопить, Катерина! Опоздаешь! – бабушка не шутила.

Натянула куртку, выскочила на улицу. Б-рр! Морозец под тридцать и ветер в лицо. Хорошо, что я не крашусь, а то сейчас была бы похожа на эту дамочку, что ползла навстречу. Хотя ветер ей в спину, у нее тушь по щекам размазалась так, будто она рыдала черными слезами. Для чего краситься перед выходом на улицу в такой ветер? Неужели нельзя на работе? Пусть даже за рабочим столом непозволительно, всегда можно уединиться в туалете. Или там таких желающих

невпроворот? Загадка…

Иду вперед, против ветра, склонившись и тупо глядя вниз. Ровная утоптанная дорожка, местами переходящая в столь же ровный каток. Но обувь у меня хорошая, подошвы не катаются, так что иду себе потихонечку. До работы времени вполне достаточно, тем более с городским транспортом мне связываться не нужно, я живу неподалеку.

До любимой конторы добралась за пятнадцать минут. Уже хотела заскочить в дверь, за которой было так тепло и уютно, как у подъезда остановилась роскошная иномарка. Я замерла, будто меня кто-то приклеил к порогу. Ну за что мне это, за что?

Как я и ожидала, из машины вышел Макс. Красивый, высокий и харизматичный. Подошел к дверце пассажира и распахнул ее. Помог выйти Лизоньке, мы с ней вместе работаем. Она красавица, умница и к тому же дочь олигарха. И хоть я, в принципе, человек не завистливый, но, едва я вижу их вместе, во мне все вопит от несправедливости. Отчего одним все, а другим ничего?

Но я безжалостно эту дурацкую зависть придушила. Вот если бы Лиза была плохим человеком, тогда можно было бы завидовать, а так ни к чему. За те три года, что она здесь работает, мы с ней сдружились. Вот если бы не Макс…

Лиза опять была в модельных сапожках на высоченных каблуках. А асфальт перед конторой наш дворник чистит не особо, лед кругом. Она попыталась пройти на своих каблучищах по этому катку, но тут же поскользнулась. Недолго думая, Макс легко подхватил ее на руки, занес в холл. Вокруг раздался восхищенный вопль: «Ооо!!!»

Невольно оглянулась. Я-то думала, я одна любуюсь этой трогательной сценой, а тут половина нашей конторы! Но это и понятно – до начала работы осталось пять минут.

– Чего стоим? Опоздать решили? – суровый глас начальницы экономического отдела Веры Гавриловны быстренько вывел народ из восторженного ступора.

Поскольку это был мой непосредственный начальник, то в дверь я влетела первой. Провела картой доступа по дисплею турникета, вихрем пронеслась по

холлу. Краем глаза заметила, что Макс приложился к Лизиной щечке, как к иконе. Сердце болезненно сжалось, но я, не отвлекаясь, целенаправленно устремилась к лифту.

И вовремя. Заскочила в него второй, следом залетело еще четверо. Желающих подняться вместе с нами за спиной осталось немерено, но мы гордо нажали на кнопку «пуск» и плавно поплыли вверх, оставив внизу толпу стенающих. А что делать? Конкуренция. Принцип один: не зевай! А кто не успел, тот, соответственно, опоздал.

Вообще-то лифтов в здании три пассажирских плюс один грузовой, но в исправном состоянии стабильно находится только один. Остальные в перманентном ремонте. Полдня проездят и застрянут между этажами. С пассажирами, естественно, чтоб насладиться возмущенными воплями.

Все, кто не успел в лифт, ползут по лестнице. Ладно, если работаешь на третьем, а если на десятом? Хотя наши мужчины строго пешком ходят, это для здоровья полезно. Молодцы, конечно, я вот с утра из-за полусонного состояния предпочитаю на лифте, хотя работаю всего на пятом этаже.

Вышла на своем пятом, проворно забежала в отдел. Начальницу треба опередить, поскольку дисциплина – это святое. Первым делом включила комп, пока он загружался, сдернула куртку, шапку, стянула сапоги и плюхнулась на свое место, типа работаю уже. И давно.

Сидевшая рядом со мной Марья Ивановна несколько раз восторженно ударила в ладоши.

– Браво! Вот это скорость! А чего ты так торопишься? Веры Гавриловны еще нет.

Опровергая ее слова, в кабинет вплыла наша суровая начальница. В деловом костюме, со строгой прической, в туфлях со средним каблучком. И с макияжем! Ох, и когда она успела? Мы же внизу вместе были! Ну, накрасилась дома, на работу ее муж подвозит, а вот все остальное когда?!

Скосила глаза вниз. Босые ноги стоят на голом полу. Ну, не совсем босые, в колготках, но без туфель. Заметит или нет? Если нагнется, то точно заметит. Осторожно подтягиваю ноги поближе. Мне с начальством ссориться не резон.

Мне работа нравится, да и зарплата вполне устраивает. К тому же коллектив у нас хороший.

Еще бы Вера Гавриловна так ревностно за дисциплину не радела, но это уж пустые мечты. Хотя свирепствует она только после оперативок у генерального, когда всем начальникам хвоста накрутят. Похоже, сейчас именно тот случай.

– Доброе утро? А где остальные? – строго вопросила Вера Гавриловна и внимательно оглядела кабинет, видимо, ожидая, что остальные сотрудницы немедля вынырнут из-под столов.

– Доброе, доброе, – с изрядной долей ехидства ответила ей Марья Ивановна. – А где остальные, известно, – в очереди к лифту стоят.

– А почему бы им лестницей не воспользоваться? – Вера Гавриловна посмотрела на себя в висящее прямо возле нее зеркало и поправила выскользнувший из прически непослушный завиток. – Это для здоровья полезно.

– Смотря для чьего здоровья, – с ехидцей уточнила Марья Ивановна. – Если наша Лизонька вздумает взобраться по лестнице в своих супермодных сапожках, то мы ей дружно передачки в больницу носить будем, потому что сломанной ногой она точно не отделается.

Вера Гавриловна утомленно вздохнула.

– Что за глупые привычки у девочки? Для чего она в эти шевровые колодки обряжается? И так хороша до чертиков. Куда еще краше-то?

– А у нее комплекс такой, Вера Гавриловна, – тут уж вступила в разговор и я. – Вы ее кавалеров видели? Рост у них какой, помните? Вот она и пытается им как-то соответствовать. Чтоб не подавляли.

– Да? – Вера Гавриловна никогда об этом не задумывалась. – А почему бы ей по росту парней-то не выбирать? Чтоб не подавляли?

– Если бы она их сама выбирала, то и проблем бы не было. А то ее выбирают. Там напор такой, не увильнуть.

Прерывая наше милое обсуждение Лизонькиных ухажеров, в кабинет решительным шагом вошла Любовь Николаевна в черной норковой шубке, следом заплыла Лизонька в своей шиншилле, как всегда, ангельски прекрасная.

Увидев начальницу, Любовь Николаевна обвиняюще вопросила:

– Доколе мы будем терять рабочее время в ожидании лифта, Вера Гавриловна? Пятнадцать минут коту под хвост! – и она сердито рубанула рукой воздух.

– А чего вы так нервничаете, Любовь Николаевна? – тихонько похихикивая, поинтересовалась Марья Ивановна. – Вы же карточку к дисплею приложили, значит, вы уже на службе, волноваться не о чем. Солдат, как известно…

– Как это не о чем?! – пафосно прервала ее Любовь Николаевна. – Работа стоит, у меня заданий уйма! Ваших, между прочим, Вера Гавриловна!

Не вдаваясь в непродуктивные разборки, начальница сделала плавный шаг назад и бесшумно выскользнула за дверь. Любовь Николаевну переспорить было невозможно, проверено длительным опытом.

Скинув с плеч шубку, Любовь Николаевна повесила ее в шкаф на плечики, продолжая возмущаться:

– Что за хозяйственный отдел у нас! Неужели нельзя нормально отремонтировать эти несчастные лифты! Стоишь, как дурак, в бесконечной очереди!

Лизонька сладко зевнула, прикрывшись ладошкой, и аморфно поддержала:

– Да, это неприятно.

– А почему ты нормальную обувь не носишь? – задала провокационный вопрос Марья Ивановна. – Тогда могла бы и по лестнице подняться. Гораздо быстрее бы было.

Лиза призадумалась.

– Теоретически могла, конечно. Но без каблуков я себя какой-то незначительной чувствую. Мелкой какой-то.

Мы с Марьей Ивановной переглянулись. Она мне подмигнула: «ты права», и снова повернулась к медленно разоблачающейся Лизе.

– А мелкой ты себя рядом со своими кавалерами чувствуешь?

– Ага! – сонно призналась та. – Они меня подавляют.

Я мысленно себя похвалила. Все-таки есть у меня интуиция и чутье! Есть! Хотя я просто ее чувства на себя примерила. Я Лизу сантиметров на семь повыше буду, и то мне в присутствии Шурика, ее бывшего ухажера, тоже не по себе становилось. Как наклонится над тобой такой жлоб, сразу «караул» кричать хочется.

Любовь Николаевна приняла деловой вид и направилась к чайнику.

– Кто будет кофе?

На кофе согласились все, хотя и я, и Марья Ивановна плотно завтракаем дома. Кофе же не еда.

Любовь Николаевна ревниво поглядывала на молча пившую кофе Лизу. Тут без комментариев – Любовь Николаевна считалась первой красавицей нашей конторы, когда черт недальновидно принес в нее Лизоньку. Наши немногочисленные мужчины были сражены с первого взгляда, за что Любовь Николаевна Лизоньку не любила.

– Ты замуж-то когда выйдешь, Лиза? – Любовь Николаевна нацелила на нее указательный пальчик с затейливо выведенным аленьким цветочком на тщательно отполированном ноготке. – Пора бы уже! А то только парней с панталыку сбиваешь!

– Замуж? – Лиза будто очнулась от каких-то затаенных мыслей. – Зачем?

Любовь Николаевна даже поперхнулась.

– Как это зачем? Все девушки хотят замуж!

– Не все. Я не хочу, Катя тоже не хочет.

Любовь Николаевна пренебрежительно посмотрела на меня.

– Ну, Катя хочет. Просто у нее возможности нет.

Мне стало смешно. Возможности нет? Вот как? Это она зря. За мной многие ухаживать пытались, только мне это не интересно. И даже напрягает.

– Вы считаете, что она некрасивая? – с вызовом спросила Лиза.

Мне стало не по себе. Такое чувство, что меня здесь нет.

– Ну, не то что некрасивая, – все повернулись ко мне, беспристрастно оценивая мой внешний вид, но какая-то блеклая, – вынесла свой вердикт Любовь Николаевна.

– Если вас не накрасить, вы еще более блеклой будете, Любовь Николаевна, – беспощадно разоблачила ее Лиза. – Просто Катя не красится. Потому что не хочет к себе внимание привлекать. Ненужно ей это.

Это было верно, и я хмуро посмотрела на Лизоньку. Вот ведь психолог доморощенный!

– Почему это она не хочет к себе внимание привлекать? – Любовь Николаевна не могла понять явного пренебрежения столь значимым для нее внешним видом. – Это же глупо.

– Потому что замуж не хочет, как и я.

– Она поэтому не красится и серой мышкой выглядит, ясно. Но ты-то зачем тогда парней привлекаешь яркими нарядами и макияжем? Если в самом деле замуж не хочешь? – Любовь Николаевна не видела логики в ее поступках.

В этом я ее полностью поддерживала. В самом деле, что-то одно. Или ты не хочешь замуж, тогда не для чего из себя тропического махаона изображать, или хочешь, и тогда образ тропической бабочки вполне оправдан. Нужно быть последовательной.

Лиза допила кофе, поставила кружку на край стола и ответила:

– Я не вообще замуж не хочу. Я не хочу за тех, кто за мной ухаживает. Мне хочется настоящей любви. Знаете, чтоб от одного-единственного поцелуя сердце куда-то провалилось, и сразу стало ясно: это он!

Любовь Николаевна озадаченно похлопала длиннющими ресницами. Я даже испугалась, что сейчас половина из них отвалится.

– Ну и фантазерка же ты, моя дорогая! В жизни нужно хорошо устроиться. Это главное. Тебе с твоей красотой вполне можно замуж выйти за какого-нибудь английского аристократа. У тебя для этого все возможности есть.

– Есть, – скучно подтвердила Лизонька. – Мне не раз иностранцы предложения делали. Каждый раз, как я за границу отдыхать приезжаю, кто-нибудь да делает. Скучно это. Как вы вообще себе представляете – быть замужем за иностранцем? Я, в принципе, несколько иностранных языков знаю, языкового барьера не будет, но со мной кто по-русски говорить будет? Я там от тоски помру!

Для Любови Николаевны недостаток общения никогда препятствием не был.

– Что за ерунда! – с высоты прожитых лет принялась она поучать недалекую коллегу. – Зато там какой уровень комфорта, обслуга кругом, а возможности!

Лизонька снова зевнула и поспешно прикрыла рот рукой.

– У меня и здесь возможности те же самые. И вообще, мне в России больше нравится. Здесь хоть поговорить есть с кем. Водятся еще рядом умные люди! – и она с намеком мне подмигнула.

Приятно чувствовать себя умным человеком, тем более что я за время их болтовни успела свести в один файл отчеты всех филиалов.

Рабочий день пролетел стремительно, как и всегда. Подождав, пока из отдела не уйдут все соседки, выключила комп, оделась и неторопливо вышла. У дверей столкнулась с Ильей Викторовичем Зайцевым, заместителем начальника отдела автоматизации. Он машинально извинился и пропустил меня вперед.

Хороший он человек, вот только неженатый. Я знала, что половина нашей конторы упорно сватали меня за него. Мы хорошо друг к другу относились, но издалека. Повернувшись к нему, чтоб попрощаться, я заметила его взгляд, которым он окинул небольшую площадь перед зданием. Кого-то ждет? Но нет, он как-то неприязненно поморщился, суховато ответил на мое «до свидания» и быстро ушел, накинув на голову капюшон серой куртки. Что это с ним? Обычно он гораздо доброжелательнее.

Подошла к своему дому, подумала, звонить бабушке или нет. Дом у нас старый, нормальных людей почти не осталось, купили квартиры получше и уехали. Живут одни пенсионеры да разного рода шантрапа.

На втором этаже обосновались откровенные наркоманы, терроризирующие весь подъезд. Куда мы только не жаловались, никому до них дела не было. Участковый вообще не приходил, в дурацком наркоконтроле заявляли, что ничего не обнаружено, в полиции заявления под идиотскими предлогами не принимали.

Такое чувство, что наркоманов наши правоохранительные органы берегут и лелеют, похоже, им это выгодно. И очень. Только бизнес, ничего личного. А остальным жильцам как быть? Хоть отряды самообороны организовывай.

Поэтому мы с бабушкой выработали систему защиты: когда я прихожу, звоню ей, она меня ждет у наших дверей, громко спрашивая, иду я или нет. Помогает.

Позвонила бабушке. Открыла двери, металлические, между прочим, с домофоном, а толку что? Если враг внутри, никакие запоры не помогут. Прошла мимо сакраментальной восьмой квартиры. За ней опять стоял дикий гогот и вонь какая-то несусветная. Только проскочила мимо, дверь открылась, но я была уже на своем этаже и залетела в квартиру.

– Вот ведь бедлам какой! – бабушка заперла за мной дверь и прошла на кухню. – И когда это кончится? Хоть бы уж помер там у них кто-нибудь, может, хоть тогда этот притон прикроют. А так никому и дела нет. Как у тебя день прошел?

Я быстро разделась, вымыла руки и прошла за ней. Бабушке уже семьдесят пять, и, хотя она никогда не жалуется на здоровье, я вижу, что она помаленьку сдает. Это меня пугает. Очень пугает. Я не хочу оставаться одна. Поэтому стараюсь ее не расстраивать. Ни в чем.

Ответила стандартно:

– Все нормально. Все как всегда. Ничего нового.

Бабушка как-то уж очень проницательно посмотрела на меня и спросила:

– Лизу опять Макс подвозил?

И зачем я только ей об очередном Лизином бойфренде рассказала! Бабушка что-то сразу усекла и теперь постоянно меня о нем спрашивает.

– Да, как обычно, – голос предательски дрогнул, и я постаралась равнодушно улыбнуться.

Но бабушку не проведешь.

– А ведь он тебе нравится, – сочувственно проговорила она. – Очень нравится.

Я пожала плечами и уныло призналась:

– И что из того, нравится, не нравится? Максим всем нравится. Он харизматичный. Лидер. И красивый.

– Ты тоже красивая, Катя. Только вот мужчин боишься. Эх, и зачем я только отпустила тебя жить с матерью. Зря! Ох, зря!

– Да ладно, бабушка! Столько лет уж прошло! – я жутко не люблю вспоминать о том отвратительном времени.

– Вот именно! Столько лет прошло, а ты все опомниться не можешь!

Она была права. У меня не сложились отношения со вторым мамочкиным мужем. Вернее, они сложились, но очень специфические. После развода с моим отцом, мне тогда двенадцать лет было, мама недолго оставалась одна. Женщина она и сейчас симпатичная, а в то время и вовсе была хорошенькой. И подцепила какого-то фраера, как его бабушка называла.

Сначала они одни жили, а потом Толик решил, что мы должны жить одной семьей. И мама согласилась. Забрала меня у бабушки, мне только-только пятнадцать исполнилось, и мы стали жить вместе.

Никогда не забуду, как этот подлый Толик прижимал меня при каждом удобном случае и терся об меня своей нижней частью, ладно хоть штаны не снимал. А я такая закомплексованная дурочка была, что боялась маме об этом сказать.

Да и как скажешь? Она в этом своем Толике души не чаяла. Я потом поняла, что таким уродам бабы и верят безоглядно. Он тебе что хошь наговорит, честно в глазки глядя, по жизни болтун и бабник.

До сих пор помню его патетическое:

– Я тебя одну всю жизнь любил! – это он мамуле после обжималок со мной в любви клялся. – Эх, знала бы ты, как я тебя люблю!

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы однажды к нам не приехала в гости бабушка. Посмотрела на красную от стыда и страха меня, на мутные Толиковы глаза, и велела мне собираться. Толику сказала, что он развратный козел и по нему полиция плачет. Помешать нам он не посмел.

А когда мать по его наущению приехала к бабушке на разборку, чтоб забрать меня обратно, та с ней закрылась в комнате и что-то долго ей объясняла.

Мать уехала несолоно хлебавши, а через месяц развелась. Но она долго от этого муженька избавиться не могла, он ей изрядно еще нервы-то попортил. Пришлось не только замки менять, а и дверь новую вставлять, железную. Грубую такую, но прочную, не китайскую, которую ребенок консервным ножом вскрыть может.

С той поры я в самом деле мужиков опасаюсь. Слишком сильно во мне чувство беспомощности и ужаса, когда Толик слюнявил меня своими мокрыми губами.

Но об этом я бабушке говорить не собираюсь. Она опять меня к психологу посылать начнет, а я никому об этом говорить не хочу. Противно до тошноты.

– А как у тебя день прошел?

Бабушка скривилась.

– Да что у меня может быть нового? Все как всегда. Сериалы смотрела да еду готовила. Давай ужинать.

Наевшись, я с удовольствием погладила округлившееся пузико.

– Спасибо, бабулечка! Ты меня так балуешь!

– Так кого же мне и баловать, как не тебя? Остальные внуки далеко, одна ты у меня рядом!

Убрали на кухне, ушли в большую комнату. Квартира у нас двухкомнатная, довольно большая. Звукоизоляция, правда, не ахти. Дом построен тридцать лет назад, железобетонный. Но зато кухня девять метров, это уже кое-что.

– Что, завтра опять к матери на дежурство? – с недовольством спросила бабушка, беря в руки вязание.

Дежурством она называет мое сидение с братьями. Их у меня двое – Слава и Саша, десять лет и пять. После Толика мама снова замуж вышла, на сей раз удачно. Правду говорят – «бог троицу любит». Вот на третьем муже мама и остановилась. Они двенадцать лет с Иваном женаты, он на севере работал, в Норильске. На пенсию вышел, приехал в наш город и сразу с мамой

познакомился. Хороший мужик, работящий, правильный такой.

По субботам они с мамой по магазинам обычно ездят, на неделю покупки делают, чтоб посреди недели не заморачиваться. Ну и в кафешке немного посидят, от детей и суеты отдохнут. А с мальчишками остаюсь я. Мне не жалко, мне с братишками весело.

Бабушке это не нравится. Она уверена, что я на работе устаю, и мне передохнуть требуется.

– Поеду, бабушка. Сашка таким забавным стал, всех жить учит. Послушаю его сентенции, и жить веселее станет.

– Ну, как знаешь, – бабушка недовольно поджала губы. – Спокойной ночи, а то что-то устала я.

Она ушла, а я обеспокоенно посмотрела ей вслед. В последнее время бабушка на усталость стала жаловаться. Хотя она всегда себе днем сиесту устраивает. Не заболела ли она? Решила уговорить ее показаться врачу. Она в этом отношении нестандартная бабушка – очень не любит по поликлиникам ходить. Если заболеет, то лечится народными средствами, без врачей.

Немного почитала и тоже спать легла. Но, только глаза закрыла, тут же их и открыла. Что это за безобразие? Опять перед глазами Лизонькин Макс стоит как живой. Нет, с этим надо как-то завязывать. Влюбиться в кого-нибудь, что ли?

Кто там у нас из киноартистов самый обаятельный и привлекательный? Надо будет у Любови Николаевны проконсультироваться, она всех артистов знает. Выберу кого поинтереснее, и пылким чувством к нему воспылаю. И вроде как влюблен, то есть сердце занято, и в тоже время безопасно, поскольку предмет страсти далеко.

Глава вторая

– Катя, ты на корпоратив идешь? – Любовь Николаевна встала перед моим столом и, в упор на меня глядя, задала этот сакраментальный, задаваемый каждый год вопрос. – Или опять будешь отрываться от коллектива?

Я ни на какие корпоративы не ходила. Просто не видела смысла. Своих коллег я и без того каждый день вижу, для чего еще и праздники с ними отмечать? Но ответить не успела.

– Конечно, пойдет, правда, Катерина? – Лиза с надеждой смотрела на меня.

Что это с ней? Для чего я ей сдалась? Но Лизонька быстро пояснила:

– Пойдем, пожалуйста! Я с Максом приду, он меня своей заботой знаешь как достанет! – Для убедительности она провела ребром ладони по горлу. Получилось весьма кровожадно. – А ты с другой стороны сидеть будешь, ему придется свое внимание на нас двоих делить, и мне гораздо легче будет! Ну, пожалуйста, я тебя очень-очень прошу!

Марья Ивановна оторвалась от внимательно читаемого ею приказа, положила ручку и подозрительно уставилась на Лизу.

– Да скажи на милость, зачем ты парня за собой везде таскаешь, если он тебе не нравится?

– Я таскаю?! – Лизонька покраснела и аж взвизгнула от негодования. – Да я тысячу раз ему говорила, что я его не люблю! А он мне толмит одно: «моей любви хватит на нас обоих!» И не отвязывается! Что мне делать прикажете?

– Твердо сказать ему «нет»! Только и всего! – Марья Ивановна осуждающе покачала седеющей головой. – Не думаю, что это так трудно.

– Я повторяю: говорила это ему много раз. Он не понимает! Или не хочет понять! Они все считают, что я кокетничаю! – Лиза в самом деле рассердилась, что для нее было необычным, даже на щеках красные пятна появились. Я всегда считала ее пофигисткой. Ошибалась? – И что вы подразумеваете под загадочным словом «твердо»? Пошел вон? Как, по-вашему мнению, нужно давать от ворот поворот влюбленному парню?

Марья Ивановна помедлила, потом как-то изучающе посмотрела на меня и вдруг заявила:

– А в самом деле, Катя, почему бы тебе не пойти с нами? Пусть не в роли отвлекающего маневра, а просто посидеть, расслабиться, шампанского с нами выпить, а?

Интересно, что они тут задумали? Почему-то сразу вспомнился Зайцев. Неужто опять решили продолжить коварные матримониальные планы? Попыталась отбиться:

– Мне никакое вино пить нельзя, я от него краснею. Выпью бокал и все, мной можно елочку зажигать. Неприятно, знаете ли!

– Ух ты, – ни с того, ни с сего обрадовалась Любовь Николаевна. – Здорово! Теперь я хоть не одна пламенеть за столом буду, а на пару с тобой. – И принялась азартно выяснять: – Ты как краснеешь? Пятнами?

– Нет, сплошной волной, – ошарашено ответила я. – А что?

– А я пятнами. Представляешь, сначала шея огненными пятнами покрывается, потом все лицо. Убойное зрелище!

– Так, может, вам тоже на корпоратив не ходить? К чему людей смешить?

– А там все такие будут. Неадекватные. Поэтому кто как выглядит, всем пофиг. Там весело будет, Катюш. А ты и не знаешь, что это такое – веселиться! – упрекнула меня Марья Ивановна. – Пошли, мы тебя научим!

Я призадумалась. Лиза подошла ко мне и, погладив по руке, просительно протянула:

– Ну пожалуйста, что тебе стоит?

Это стоило мне покупки нового платья, туфель и вообще всего того, в чем положено ходить на коллективные пьянки, то бишь праздники. В принципе, деньги у меня были, но вот походы по бутикам и бесконечные примерки меня

всегда напрягали.

– У меня платья нет. И вкуса, чтоб купить что-то приличное, тоже нет. Так что…

Продолжить мне не дала Лизонька. Подскочив на месте, она радостно пообещала:

– Мы сегодня же сходим с тобой в торговый центр «Наша мода». Там есть вполне приличные вещи. Вот только… – тут она призадумалась и нахмурилась.

– За тобой наверняка Макс увяжется? – проницательно уточнила Любовь Николаевна. – А вы его с собой возьмите. Это будет проверка глубины его чувств. Только истинно влюбленный выдержит многочасовой поход по женским магазинчикам.

– Ага! – поддержала его развеселившаяся Марья Ивановна. – Если любит, то не сбежит. А если сбежит из отдела женского белья, делайте выводы.

– Ну, из подобных отдельчиков мужики, как правило, по другим причинам сбегают, – заметила многоопытная Любовь Николаевна.

– А по каким причинам они сбегают? – хором спросили мы с Лизой и удивленно посмотрели друг на друга. Ого, значит, она такая же неопытная, как и я! Не ожидала.

Любовь Николаевна потрясенно закашлялась. Откашлявшись, хрипловато сообщила:

– Вот когда замуж выйдете, тогда все и поймете. Я вас в тайны замужней жизни посвящать не собираюсь! – это у нее прям по-королевски вышло. С великолепным таким пренебрежением.

Тут в отдел зашла наша взыскательная начальница, и все быстренько разбежались по своим местам. Вера Гавриловна посмотрела на меня, и я отчего-то покраснела. Глупо, понимаю, но я ее просто боюсь. У нее дед цыган, и мне постоянно кажется, что она видит людей насквозь. Во всяком случае, она не раз угадывала мои самые потаенные мысли. Вот и сейчас ее пристальный взгляд

меня просто пронзил. И это не метафора, у меня внутри аж горячо стало.

И она не плохой человек, просто уж слишком… проницательная.

– Обсуждаете Новый год? – Вера Гавриловна взяла с моего стола маленькую елочку и полюбовалась ее голубоватым мерцанием.

– Уговариваем Катерину пойти вместе с нами на корпоратив, – сдала меня с потрохами Любовь Николаевна. – А она не соглашается.

К моему огорчению, начальница тут же присоединилась к агитаторам.

– Это вы зря, Екатерина Георгиевна, – строго так. – Это весело. А вы совсем не умеете веселиться. Пойдете, может быть?

Когда начальство с тобой разговаривает таким тоном, самое разумное – соглашаться. И я согласилась:

– Пойду. Вот только платье куплю. Одна! – и я предупреждающе посмотрела на Лизоньку.

Та даже глазом не моргнула.

– Как хочешь. Одна так одна.

Мне бы догадаться, что она так просто от идеи пробежаться со мной по бутикам не откажется. Но работы было много, да и вообще я в женском коварстве плохо разбираюсь. Опыта маловато. В общем, я успокоилась. И зря.

После работы мы вышли из конторы все вместе. За Любовью Николаевной приехал муж, но она вместо того чтоб пойти к нему, для чего-то направилась к Максу, стоящему возле своей машины и терпеливо ожидающего Лизу. Марья Ивановна тоже не побежала по магазинам, как обычно, а решила поприветствовать его же. Вышедшая Лизонька с лукавой улыбкой смотрела на меня.

Это мне не понравилось. Помахав всем рукой, я поспешно пошагала домой по полузасыпанной снегом дорожке. Догнавшие меня Марья Ивановна с Любовью Николаевной внезапно подхватили под белы рученьки и запихали в неслышно подъехавший сзади мерседес. Макс тут же тронул с места, и мы полетели по улице, пробиваясь сквозь разыгравшуюся метель.

Хотелось вопить, топать ногами и возмущаться, но было стыдно. В конце концов, мне в самом деле нужно платье, раз уж я получила начальственный приказ быть. Но вот как выбирать наряды под пристальным взглядом Макса? Или даже просто рядом с ним, потому что смотреть он будет точно не на меня.

Лиза повернулась ко мне и заботливо напомнила:

– Бабушке позвони, чтоб не волновалась.

Достала сотовый, набрала бабушкин номер. Та ответила сразу. Предупредила ее, что задержусь сегодня, похожу по магазинам перед Новым годом. Она хотела что-то спросить, но я пообещала все рассказать вечером и отключилась. Как скажешь бабушке, что меня, по сути, похитили и насильно везут за платьем для новогоднего корпоратива?

Затормозили возле торгового дома «Наша мода», мы с Лизонькой вышли из авто, а Макс повел машину на стоянку. Лиза ухватилась за меня, стараясь удержаться на высоченной шпильке, и я буквально заволокла ее внутрь.

– Ох уж эти каблуки! – выдохнула она. – Спасибо за помощь!

Что обувь проще было бы поменять, я указывать не стала, у всех свои тараканы в головах. Но высказать свое недовольство наглым похищением сочла необходимым:

– Лиза, что это за свинство? – прошипела я, едва мы зашли внутрь. – Издеваешься, да? Зачем ты меня сюда притащила?

Она небрежно взмахнула рукой.

– Что поделаешь, если другого способа тебя одеть не нашлось. Без меня бы ты купила себе что-то типа домашнего фланелевого халатика в цветочек и тапочки мягкие, так ведь?

Я сжала зубы. Да, люблю я домашние фланелевые халатики и тапочки мягкие люблю, и что? Имею право! Я никого очаровывать не собираюсь, так что для чего эти каннибальские пляски вокруг моей скромной персоны?

Лиза оглянулась, сжала мне руку и вдруг прошептала:

– Если тебе что-то покажется странным, делай вид, что ничего особенного не происходит, ладно?

Я тоже оглянулась. Сзади подошел Макс и как-то очень уж уныло посмотрел на Лизоньку. Я тоже посмотрела на нее и не поверила своим глазам. Передо мной стояла кукла! Самая настоящая кукла! С кукольными голубыми глазками, в которых не билось ни единой разумной мысли. Что это с ней?

Оторопев, осторожно перевела взгляд на Макса. Он как-то сумрачно усмехнулся. Не верит? Или верит?

– Знаешь, здесь на втором этаже очень миленький отдельчик вечерних платьев. Я там сама несколько платьев купила! – проговорила Лиза каким-то уж слишком щебечущим голоском. – Пошли, покажу! – и потянула меня к эскалатору.

Пошла. Макс шел следом, как привязанный. Отдельчик оказался огромным бутиком с нескончаемыми рядами стоек. Здесь были не только вечерние платья, висели вполне приличные костюмы и брючные, и с юбками.

Лизонька кинулась к стойкам с вечерними платьями, а я решительно направилась к костюмам. Если уж покупать, то что-то практичное, чтоб можно было и на работу носить. Выбрала симпатичный брючный костюмчик стального цвета, очень даже симпатичный. Посмотрела на подошедшую ко мне Лизу.

– Жуть какая! Повесь немедленно на место! – Лиза не на шутку рассердилась. – Ты на праздник собираешься, а не секретаршу директорскую замещать! – она бесцеремонно выхватила из моих рук вешалку с костюмом и сунула ее в руки

сопровождающей ее продавщицы.

Потом потянула меня к стойкам с вечерними платьями, но тут уже решительно воспротивилась я:

– Не нужно мне эту жуть! Я в них только запинаться буду! Мне эта роскошь, как корове седло!

Лизонька притормозила и на миг задумалась. Потом бодро заявила:

– Ладно! Корпоратив у нас почти семейный, так что платье для коктейлей тоже подойдет! – и я была мощно подтянута к стойкам с короткими блестящими платьицами.

Потирая руку, за которую ухватилась Лиза, я с укором выговорила:

– Ну ты сильна! Штангой что ли занимаешься?

– Просто бегаю по утрам, чтоб меньше болеть. Болезненная я слишком.

Я осторожно спросила, пока она перебирала платья, периодически доставая понравившееся и прикладывая его ко мне.

– А что у тебя болит?

– Ангины замучили. Чуть что – ангина. Но я вот уже полтора года гимнастику для горла делаю, и за это время ни разу не болела. – И она трижды опасливо переплюнула через левое плечо.

– Покажешь, что за гимнастика для горла? – мне тоже не помешало бы заняться этой гимнастикой. Да и бабушке тоже.

– Да без проблем! – и Лизонька без всякого стеснения откинула назад голову, открыла рот, высунула язык и с утробным мычанием попыталась достать кончик носа. – Поняла? Вот так раз двадцать в любое время. Между прочим, это упражнение и мышцы шеи хорошо тренирует.

Я несколько ошарашено ее поблагодарила:

– Хорошо, я учту, спасибо.

Оглянулась посмотреть, не видел ли кто Лизины гримасы. Оказалось, продавщица заметила, но, судя по тому что на ее лице появилась озабоченность, она тоже решила приступить к тренировкам. Скорее всего, как только мы уйдем.

Посмотрела на вход. Сопровождающий нас Макс терпеливо сидел у входа на кресле для таких как он, угнетаемых своими дамами кавалеров, глядел в свой айфон и на нас внимания не обращал.

У меня вырвался странный вздох.

– Я ему велела сидеть у входа, чтоб не отсвечивал, – понятливо пояснила Лизонька. – Но когда мы подберем тебе наряд, я его позову, как эксперта. Чтоб посмотрел на тебя мужским взглядом и сказал, нравится ему или нет.

Я впала в ступор. В самым настоящий ступор!

Не ожидая моей реакции, Лизонька подала продавщице три отобранных ею платья и повела меня в примерочную.

– Давай меряй и показывайся! – все это было сказано безапелляционно, будто я глупенькая маленькая девочка. Впрочем, такой я себя и ощущала.

Посмотрела на платья. Одно отложила сразу. Оно было слишком уж оголено и сверху, и снизу. На другие посмотрела повнимательнее. Одно из них было серебристое, до середины колена, с небольшим декольте. Вполне приличное, на мой взгляд. Я его надела и тут же поняла свою ошибку: по обоим бокам от ягодиц до самого низа шли разрезы. Мне это категорически не понравилось.

А если зашить? Я захватила руками разрезы и поняла, что в таком случае не смогу сделать ни шагу. Уж слишком платье было узким. Вздохнув, стянула его с себя и натянула последнее. Черное, с длинными рукавами, со скромным вырезом мысиком, длиной до середины бедра, мне понравилось. Сидело оно на мне хорошо и даже все достоинства моей фигуры подчеркнуло, но вот только

мрачное слишком было и длина подкачала.

Я хотела снять и его тоже, и посмотреть что-то не такое вызывающее, но в кабинку нахально заглянула Лиза и восхищенно присвистнула.

– Вот блин! Ножки-то, ножки! – и она бесцеремонно выдернула меня из кабинки на всеобщее обозрение.

Окинув меня профессиональным взглядом, продавщица закивала и расплылась в восхищенной улыбке, на мой взгляд, слишком уж профессиональной.

– Фигура – блеск! И ножки точеные!

Я скептически посмотрела на себя в зеркало. Не спорю, девица в нем была привлекательной, но какой-то уж слишком чужой.

– Берем! – Лизоньке мое согласие или несогласие было до фонаря. – Так, теперь туфли! – Какой у тебя размер?

– Тридцать седьмой.

Я думала, нам придется топать в другой бутик, но продавщица тут же вынесла несколько пар черных туфель, и Лиза принялась их сосредоточенно осматривать. Памятуя ее пристрастность к сверхвысоким каблукам, я попыталась воспротивиться:

– Лиза, я не буду покупать туфли на шпильке! Даже и не надейся!

Она рассеянно ответила, для чего-то рассматривая кожу одной пары на свет:

– Тебе и не надо, у тебя рост нормальный. – И уже продавщице: – А что-то еще есть? Каблук семь сантиметров.

Та вынесла еще несколько коробок. Открыв первую, Лизонька удовлетворенно крякнула и протянула туфли мне. К моему удивлению, туфельки мне приглянулись с первого взгляда. Элегантные, чуть зауженные, с тонким, но устойчивым каблуком. Надела и поняла: мое!

– Чудно, чудно! – Лизонька похлопала в ладоши, награждая себя восторженными аплодисментами. – Ай да я! Ты просто картинка, Катя! – и добавила загадочную фразу: – Теперь ты вполне можешь составить мне достойную конкуренцию.

– Какую конкуренцию? – я сразу насторожилась. – Ты это о чем?

– Да о том, что мужики будут пялиться не на меня одну. А на тебя тоже. Это называется размазать интерес. Паритет своего рода. А то знаешь, как они все меня достали?

Нелогично. Если они ее достали, то для чего тогда наряжаться и их провоцировать? Вот я…

– Да никого я не охмуряю, не соблазняю и в себя не влюбляю! – Лизонька опять проявила никчемушную проницательность. – Я дома сижу, а они меня достают просто! И папаша туда же! «Пока молодая, надо жить полной жизнью!» Эх!.. – она замолчала, глядя на приближающегося к нам Макса.

Я с изумлением смотрела на нее. Вот только что она говорила со мной, как вполне разумный человек, а теперь снова превратилась в говорящую куклу!

Пустой взгляд, резкие движения и нарочитая наивность! Но проделано артистично. На грани фола, но вполне достоверно. Если не знать, какая она на самом деле, вполне можно поверить в прекрасную, но безмозглую куклу. Этакая Мальвина, только с золотыми волосами. Для чего Лизе это нужно?

– Макс, как ты оценишь Катино преображение? – воркованию Лизоньки мог позавидовать и влюбленный голубок. – Правда, хороша?

Я почувствовала себя товаром на ярмарке невест. Стыд захлестнул удушливой волной. И вот я опять похожа на спелую помидорку! Да что это такое! Я разозлилась. И на Лизу, и на себя. И на Макса, беспристрастно оценивающего меня.

Сердито на него посмотрела. В его глазах мелькнуло что-то непонятное и тут же исчезло.

– Недурно, весьма, – суховато одобрил он мой внешний вид. – Немного макияжа, и будет просто супер.

– Я тоже так считаю, – пропела Лиза и спросила у меня: – Раздеваться будешь? Или так домой поедешь?

– Буду! – сердито отрубила я. – Вы езжайте, я доберусь сама! Город я знаю. – И отправилась в кабинку снимать навязанное мне платьице.

Может, дождаться, пока они уедут, и отказаться от этого секс-наряда? Еще раз посмотрела на себя, чуть прищурив глаза. Если судить беспристрастно, то очень даже ничего. Ножки и в самом деле хороши, я и не знала, что они у меня вполне на уровне. Как-то не разглядывала себя, не до того было. Грудь тоже.

И внезапно решила: ладно, возьму, где наша не пропадала!

Аккуратно стянула платье, сняла туфли, оделась в свои старые шмотки и вышла к продавщице. Подала ей обновки, она сноровисто упаковала их в пакеты и подала мне.

– А заплатить? – пакеты я не взяла. – Я же не платила! – странно, что она об этом забыла.

– Елизавета Александровна уже за все заплатила.

Откуда она знает Лизино имя? Но главное не это! Лиза побоялась, что я раздумаю?

– Сколько это стоит?

Прозвучала довольно внушительная сумма, но она меня не испугала. Подумаешь, в кои-то веки могу себе позволить и пошиковать. Решила отдать деньги Лизе завтра, взяла пакеты, двинулась к выходу.

У выхода из здания стояли Макс с Лизой, о чем-то говоря. У Лизоньки было все то же кукольное выражение лица. Обернувшись ко мне, она радостно заявила:

– Быстро ты, я бы никогда так не смогла. А теперь мы тебя домой отвезем.

Я хотела было отказаться, но Лиза подхватила меня под руку, и, щебеча какую-то бессмыслицу, больно ущипнула за локоть. Я вопросительно подняла бровь, она тихо мне шепнула:

– Не хочу оставаться наедине с Максом. Опять чушь будет молоть о неземной любви. Как от него отвязаться? Не знаешь?

Я дико на нее посмотрела. Откуда мне знать, как ей отвязываться от собственных поклонников? Я тут вообще ни при чем.

Макс хмуро смотрел на Лизоньку, не обращая внимания на окружающих. И зря. Из толпы идущих мимо людей выпорхнуло эфемерное создание в коротенькой розовой шубке с розовыми же сапогами до середины бедра и кинулось ему на грудь.

Он ловко отскочил в сторону, заставив меня восхититься. Вот это натренировался! Это ж сколько девиц ему на грудь кидаются, ежели он, даже не глядя, такую прыткость проявляет?

Девица опустила руки и, обиженно глядя на него, нежным голоском заявила:

– Макс, как тебе не стыдно! Я постоянно тебе звоню, но ты не отвечаешь!

– А я и не обязан тебе отвечать!

Ух ты, какой тон ледяной! Я и не подозревала, что он так умеет! Девица сникла, но ненадолго.

– Я тебя люблю! – пылкое признание прозвучало посредине толпы в фойе торгового центра. На мой взгляд, для подобных признаний нужно выбирать что-то более подходящее. Или уж где объект страсти поймала, там и призналась?

Посмотрела на Лизу. Та откровенно наслаждалась спектаклем. Почувствовав мой взгляд, посмотрела на меня и подмигнула. Заметивший наши переглядки Макс решительной рукой направил нас на улицу, оставив влюбленную красотку

безнадежно смотреть ему вслед.

Мы сели в машину, причем Лиза сзади рядом со мной, и отправились ко мне. Как обычно в это время, город стоял. Мы ныряли из пробки в пробку, и я сильно пожалела, что согласилась на это сомнительное удовольствие. Пошла бы пешком, давно была бы дома.

– Я тебе деньги завтра отдам, – мне было неловко из-за Лизиного самоуправства, и я постаралась выразить это осуждающим тоном.

Но до Лизы или не дошло, или она считала себя правой, но она только передернула точеным плечиком.

– Да ерунда. Когда сможешь, тогда и отдашь.

Простояв в пробках пару часов, мы наконец-то съехали с центральных улиц и довольно быстро добрались до моего дома. Я поблагодарила их и хотела выйти, но Лиза сурово указала Максу:

– Проводи Катерину до квартиры, пожалуйста, у нее очень проблемный подъезд. Наркоманы и прочее…

Уточнять она не стала, он понял все и сам. Вышел из машины, открыл передо мной дверцу, подал руку, помогая выйти. Чувство было на редкость странное. Опираться на мужскую ладонь мне еще не доводилось. Я вообще всеми силами избегала таких двусмысленных ситуаций, когда ты слабая, он сильный, типа защитник и покровитель. Не вдохновляли они меня отчего-то.

Меня всегда напрягали прикоснувшиеся ко мне мужские руки. Но руки Макса были твердыми и надежными, и у меня не возникло ни страха, ни опаски. Наоборот, ужасно захотелось, чтоб он не отнимал руку. Он и не отнял, просто переместил ее с моей ладони на локоть. Так и завел в подъезд, подождав, пока я проведу по дисплею проходилкой.

Так мы и по лестнице поднимались. Мне хотелось взбежать как можно быстрее, чтоб избавиться от этой тревожащей меня опеки, но на втором этаже возле восьмой квартиры Макс приостановился и кивнул на ничем не отличавшуюся от

других дверь.

– Это отсюда проблемы?

Я кивнула.

– А как ты понял?

Он пошел дальше, говоря на ходу:

– Запах. Я этот запах хорошо знаю.

Удивилась. Он что, с наркоманами общался?

– Приходилось. – ответил он на неозвученный вопрос. Удивленно посмотрела на него, он невесело мне усмехнулся. – В школе одноклассники кайфовали. Пока один от передозировки на тот свет не отправился. Тогда родители тревогу подняли.

– Ты разве в обычной школе учился?

– В гимназии. Элитной.

Больше он ничего не сказал, а я не спрашивала. К чему? Захотел бы, сказал сам. Видимо, ему неприятно об этом вспоминать. И я его прекрасно понимаю.

Не успела достать ключи перед нашей дверью, как она распахнулась, и выглянула обеспокоенная бабушка.

Макс вежливо поздоровался.

– Возвращаем вашу внучку в целости и сохранности.

Бабушка степенно поблагодарила и внезапно поинтересовалась:

– А вы кто будете?

– Я Макс, друг Лизы. Вы с ней знакомы?

Лизонька не раз бывала у нас после работы, поэтому бабушка приветливо закивала и спросила:

– Может, в гости заглянете?

Макс с поклоном отказался и быстро сбежал вниз, едва попрощавшись. Я зашла в квартиру и принялась раздеваться, почему-то скорбно насвистывая.

– Так вот он какой, Макс. Хороший парень. Воспитанный и обходительный. Сейчас таких мало. И красивый такой. Недаром он тебе так нравится.

Как нож в сердце!

– Бабушка, ты о чем? Он за Лизой ухаживает! Он в нее по уши влюблен!

– Вот как? Жаль, вы хорошо смотритесь вместе. А Лизонька как к нему относится?

– Никак. Как обычно.

– Папа еще не вмешался?

– Вроде нет. Раз Макс с ней.

Как-то, будучи у нас в гостях, Лиза пожаловалась бабушке на своих сверхнастойчивых ухажеров. Никто из них не понимал, когда она говорила о расставании. Все считали, что это просто кокетство.

– Ну не могу я послать подальше влюбленного в меня парня! Просто язык не поворачивается! Знаю, что нужно быть твердой и решительной, а не получается. – Лиза была здорово угнетена. – Я и знакомиться с ними со всеми не хотела, они сами ко мне привязываются! Да так, что не отвяжешься.

– И кто же тебя от кавалеров-то спасает? Мама?

– Папа. А что делать? Приходится просить его о помощи. Он ворчит, но не отказывает. После его разговора они уходят, но все равно время от времени заявляются с проверочками. Вдруг передумала?

– А как же ты с ними знакомишься? Где?

– Да везде, куда не пойду. С Максом мы познакомились на вернисаже. Я там с мамой была. Он деликатно так сначала про картины говорил, потом подвезти предложил. Маме он понравился.

– А тебе нет?

– Да как сказать. Пока в любви не признался, нравился. Потом резко нет. У меня всегда так. Надоедают быстро.

– Тебе что, никто серьезно не нравился? – бабушка была озадачена ее странным поведением.

Лизонька призадумалась.

– В школе я была влюблена в нашего физрука. Но он женат был. Ух, как я страдала! Ночами в подушку ревела. А после ни в кого. Скучно живу?

Я засмеялась, а бабушка заметила:

– Вот и Катя ни в кого не влюбляется. Оно так спокойнее, конечно, но уж очень скучно, ты права. Ну, всему свое время. Придет и ваше время, девочки.

И вот теперь, вспоминая этот разговор, бабушка заметила:

– Если папа вмешается, Макс исчезнет?

Я представила, что никогда больше не увижу его серых внимательных глаз, и вдруг такая тоска накатила! С трудом ответила внимательно следившей за мной бабушке:

– Наверное.

Она покивала каким-то своим мыслям.

– Лизонька очень красивая девушка, парни летят на ее свет, как мотыльки. Но вот настоящая ли это любовь?

– Ты просто философ, бабулечка. Почему вдруг не любовь-то?

– Потому что внешность быстро… как это сказать-то? Присматривается, что ли?

– Это ты о том, что после месяца со дня свадьбы мужья уже не замечают лица своих жен? Эффект привыкания?

– Вот-вот. Я как раз об этом. Но этого-то они не понимают, принимая восхищение красотой за что-то более глубокое.

– Ну, не думаю, что Макс столь поверхностен. Мне кажется, он всерьез влюблен. За остальных не ручаюсь.

– Да, жизнь не простая штука. Но кто сказал, что все должно быть просто?

Чтоб прекратить конфузящие меня размышления, я потрясла пакетами с фирменным логотипом.

– Знаешь, что там? Новогоднее платье и туфли!

Бабушка поразилась.

– Ты что, пойдешь-таки на новогодний вечер?

Я угрюмо кивнула.

– Ну да, меня пойдут. Начальница сделала предложение, от которого не отказываются. Сама понимаешь, мне еще до пенсии работать и работать. И место это терять не хочется. Мне оно нравится.

Бабушка захихикала.

– Бедняжка! Тебя заставили идти на праздник! Издевательство, однако!

Я ее активно поддержала, серьезно так, строго:

– Вот именно! Ты выбрала правильное слово! Но это еще не все – Лизонька лично выбрала мне этот нарядец! Я в этом никакого участия не принимала! И заплатила сама. Теперь мне нужно наличку снять и ей отдать.

– Сколько? – услышав сумму, бабушка задумчиво уточнила: – Две моих пенсии. Но это ерунда. Если у тебя денег не хватает, я тебе добавлю.

– Да хватает у меня денег. У меня бесстыдства в нем ходить не хватает. Хочешь, платье примерю? Посмотришь.

– Тогда и туфли надевай. Тоже посмотрю.

Я ушла в свою комнату и переоделась. Обула туфли и вышла к бабушке. У той непроизвольно приоткрылся рот.

– Вот видишь, бабуля, на кого я стала похожа? На путану, если выражаться цивильным языком.

Но бабушка обошла меня со всех сторон и восхищенно поцокала языком.

– Класс! Я даже не предполагала, что у тебя такая фигурка! Венера Милосская по сравнению с тобой полено необтесанное!

Я замерла. Что это такое с бабушкой?

– Это ты меня утешить пытаешься?

– Да нужно мне тебя утешать! Молодец Лизонька! Вот у кого глаз-алмаз! Ей надо модельером работать или кто там наряды для модных дам подбирает?

– Имиджмейкером? – я тоже не знала, кто это может быть. Но это неважно. – Неужели тебе это нравится?

– Нравится? Не то слово! – бабушка была похожа на восторженную школьницу. – Я в восторге! Думаю, все ваши мужики со мной будут полностью солидарны.

Я припомнила Лизины слова о паритете.

– Это коварные происки Лизаветы! Она хотела, чтоб я ее ухажеров переманила! – в моем голосе проскользнули панические нотки, и я воинственно выпрямилась.

Может, развеять ее коварные замыслы и просто на корпоратив не пойти? А что? Это будет симметричный ответ, как сейчас любят говорить.

Только я это подумала, как бабушка сердито погрозила мне пальцем.

– Конечно, иди! Хоть раз в жизни почувствуешь себя настоящей женщиной! За которой ухаживают, которая может свести с ума любого мужика, если захочет. И попытайся, обязательно попытайся!

Это она о чем? Призвала ее к порядку:

– Бабушка, ты о чем? Я особа высокоморальная и никаких мужиков приваживать не собираюсь.

– И не надо, не надо! Они и сами привадятся, без всяких усилий с твоей стороны. Ты только сразу отсеивай негодящих. А то потом трудно будет. И платье мрачноватое, надо к нему бусы добавить.

Она поспешила в комнату, вынесла бусы из горного хрусталя. Я надела. Понравилось. В свете люстры бусинки нежно заискрились теплым золотисто-голубоватым светом, бросая на лицо и шею таинственные блики.

– Очень, очень хорошо! – одобрила мой наряд бабушка. Вот так и иди!

Я уныло согласилась.

Глава третья

За четырьмя составленными столиками уместился весь наш отдел в полном составе плюс посторонние элементы. Ну, не совсем посторонние, но все же изрядно меня смущающие. Рядом с Лизонькой сидел Макс в черном смокинге с серебристой бабочкой на накрахмаленной белой рубашке, красивый, широкоплечий, чрезвычайно импозантный, привлекающий восхищенные женские взгляды.

Любовь Николаевна привела мужа, правда, Виктор Михайлович был в сером костюме-тройке, поэтому по импозантности Максу несколько уступал. Вера Гавриловна тоже была при муже, тот вообще заявился в заурядном черном свитере и черных джинсах, явно не желая выделяться из толпы. Он работал инженером на заводе, близко общался с пролетариатом и всяких мусей-пусей не терпел. Для него чем проще, тем лучше. Демократия в действии, так сказать.

Мы с Марьей Ивановной были без спутников и откровенно наслаждались свободой. Марья Ивановна давно была в разводе, избавившись от запойного муженька, я вообще в эту кабалу не стремилась, или, как изящно выражался наш главный конторский балабол Лешик Баранов, активно уклонялась от сдачи в эксплуатацию.

– Ты сегодня как золушка на балу! – Марья Ивановна явно решила меня подбодрить, видимо, уж очень квелый у меня был вид.

В ответ я только кивнула. В самом деле, Золушка. В чужом, по сути, платье, потому что деньги за него я еще не отдала, чужих же туфельках. Единственное, что утешало: красилась я сама и своей косметикой.

Пока роковая вамп нашей конторы Любовь Николаевна кокетничала с чужими кавалерами, рассеянно разглядывала окружение. Все отделы уже на своих местах, до назначенного времени осталось всего пять минут. Нет только автоматизаторов. Неужто работают? Странно.

Пробило четыре часа, и в зал тут же, чеканя шаг, вошел отдел автоматизации. Впереди начальник Владимир Иванович, следом его зам Зайцев Илья Викторович, специалисты Игорь Петухов, Генрих Рудт и тот самый Лешик Баранов. Вошли, дружно подняли руки в общем приветствии и уселись за свой столик. Здорово это у них получилось. Эффектно.

Сердито на них посмотрев, генеральный укоризненно покачал головой и постучал пальчиком по циферблату наручных часов, намекая на опоздание. А потом неторопливо начал новогоднюю речь. Олег Геннадьевич вообще поговорить любит, а тут такой повод классный, как его упустить?

Все молчали, слушая, а, может, и нет. Как я. Торжественные речи генерального я всегда пренебрежительно пропускала мимо ушей. Зачем забивать свою память ненужной информацией?

Справа от меня сидел Макс, нас разделял угол стола. Скорее даже не разделял, а сближал, потому что мне прекрасно был виден и он, и сидевшая рядом с ним Лизонька. Обворожительная, в синем платье до пола. И с чего она вздумала, что я кого-то от нее отвлечь смогу? Большей глупости я в своей жизни не слыхала!

Напротив меня на стене висел розовый постер «С Новым годом, с Новым счастьем!» Это как? Получается, если старого счастья нет, то и нового ждать не приходится? Обидно, однако…

Макс по-свойски положил загорелую руку на голый Лизин локоть и ласково погладил. Ей это не понравилась, но она смолчала, только глазами недовольно сверкнула, Макс и не заметил. И вот так она всегда! Не нравится, но терпит. Для чего? Обидеть боится?

Олег Геннадьевич на мгновенье замешкался, набирая в грудь побольше воздуха для продолжения речи, и тут кто-то завопил: «Ура!..». Генеральный удивленно заморгал, но тут все дружно поддержали инициатора, и директору пришлось с улыбкой поднять бокал, призывая всех выпить.

Мужчины за нашим столом стремительно откупорили шампанское и разлили по бокалам. Мне налил Макс, сидевшей слева от меня Марье Ивановне бокал наполнил Виктор Михайлович.

Подняв бокал, Марья Ивановна с удовлетворением шепнула мне:

– Вот как надо прерывать бесконечные начальственные речи! Олег Геннадьевич добровольно так быстро ни за что бы не кончил. Он же только-только на своего любимого конька сел, докладывать начал о наших успехах, достигнутых благодаря его чуткому руководству, а тут каких-то десять минут, и амба! Кто первым-то закричал, заметила?

Я посмотрела на столик автоматизаторов.

– Лешик. Похоже, он уже подшофе.

– Понятно, – Марья Ивановна захихикала. – Ну, теперь будет весело.

– Почему?

– А вот нужно на корпоративные вечеринки-то ходить, тогда и знать все будешь. Лешик и в трезвом-то состоянии забавен до чертиков, а уж в подпитии ему равных нет. Лучше любого циркового клоуна. Повеселимся.

Я поверила Марье Ивановне на слово. Она на всех наших корпоративах бывает, ей виднее. Это я на таком мероприятии впервые, не знаю ничего.

После шампанского пришла очередь салатиков и закуски. Не спрашивая у меня разрешения, Макс быстренько накидал мне в тарелку всего понемногу, что было выставлено на нашем столе, и переключился на Лизоньку. Меня это несколько позабавило. Умно, умно. Это чтобы в процессе обольщения не отвлекаться на посторонние предметы.

А он Лизу целенаправленно и как-то даже профессионально обольщал. Глядел в глаза, медленно подносил к губам ручку, целовал ладонь. От этого действа даже у меня по жилам какая-то дрожь пробегала, а представляю, что испытывала Лиза. Неужели устоит? Для этого по твердости железобетонной надо быть, не меньше.

За столом автоматизаторов что-то выкрикнул Лешик, я машинально глянула туда. И поразилась! Илья смотрел на Лизу таким взглядом… Я даже не знаю, как

его назвать… Страстным? Неистовым? Гневным? В общем, так смотрел, что мне аж дышать трудно стало. Вот блин! Похоже, он тоже в Лизу влюблен.

Но это он зря. Вряд ли Лиза когда-нибудь поймет, что он классный парень. У нее другой уровень жизни. Как и у меня. Вот я бы Илье вполне бы по всем параметрам подошла, да только мы друг другу лишь симпатизируем, и не больше.

Тягостно вздохнула и принялась за поглощение салатиков. А как же? За корпоратив деньги плачены, вот и нужно их отъедать. Пока пыталась отвлечь себя глуповатым, но действенным ёрничаньем, в зал вошли Дед Мороз и Снегурочка. Дед Мороз густым басом, совершенно не соответствующим его субтильности, несколько утомленно поздравил народ с Новым годом.

Потом объявили конкурсы. Сослуживцы, как малые дети, принялись рассказывать стишки, петь песенки, отгадывать загадки. А что? Приятно, наверное, вспомнить детство. Когда начали водить хоровод вокруг елки, нахальный Дед Мороз потребовал участия в нем всех, пригрозив, что иначе для нашей конторы год будет неудачным.

Под негодующим взглядом генерального все мирно сидящие за столиками вынуждены были подняться и влиться в общий круг. Естественно, там же оказалась и я. Выбранные для меня Лизой туфли были хотя и удобными, но на суматошный забег вокруг елки явно не рассчитывались. Хотя, возможно, дело в моей неподготовленности, у меня туфель на каблуках отродясь не бывало.

Так что, когда после наших дружных воплей «ёлочка, гори!» наш электрик дядя Слава заставил елочку сиять разноцветными огнями, и хоровод наконец-то остановился, жить мне сразу стало как-то веселей.

Едва Дед Мороз распустил по местам дисциплинированных сотрудников, мы все одновременно шмякнулись за стол, и мужчины снова всем налили шампанского. Я с сомнением посмотрела на свой бокал. Стоит ли мне пить? Я и после первого чувствовала себя несколько странно, какая-то опасная легкость в организме проявилась, а что будет после второго? Я вообще не пью, стоит ли начинать?

Я бы пить не стала, если бы не Марья Ивановна с ее кощунственным:

– Не будешь пить с нами шампанское, счастья тебе в следующем году не видать! – я скептически на нее посмотрела, она утвердительно покивала, подтверждая свои слова, и заверила: – Не сомневайся, проверено личным опытом! Причем многократно!

Счастья мне хотелось, и я опасливо выпила бокал. Но вроде ничего страшного не случилось, просто мир вокруг стал гораздо приветливее и веселее.

Дед Мороз с непристойным для сказочного духа коварством вдруг объявил конкурс на песни, начинающиеся на междометия. От каждого отдела по песне. За первое место пообещал бутылку французского шампанского, за второе – российского, но хорошей марки, за третье – коробку конфет. Ух ты, я таких песен и не знаю! Вернее, знаю, но мало. На всех точно не хватит. У нас восемнадцать отделов, а песен я смогла припомнить только восемь. Ну, может, кто и больше знает. Похоже, тут кто первый, тот и на коне.

Сообразив это, первым в бой ринулся начальник отдела автоматизации. Под аккомпанемент деда Мороза, игравшего на гитаре, очень мило исполнил «Ой, мороз, мороз». Не ожидала, что Владимир Иванович такой прыткий. Но баритон у него хороший.

Дальше организовалась очередь из желающих, а мы принялись препираться. В смысле никто из нас петь не хотел.

– Так нельзя! – Вера Гавриловна просто шипела от распирающей ее злости. – Надо идти, Олег Геннадьевич все равно заставит! Лучше уж добровольно!

– Вера Гавриловна, вот от отдела автоматизации начальник пел. Может, и вам стоит поддержать этот почин? – Любовь Николаевна после шампанского чересчур раскраснелась и расхрабрилась.

Вера Гавриловна так на нее посмотрела, что всем стало ясно: запомнит. И не забудет. Но смелой после вина Любови Николаевне все было трын-трава:

– Нет, правда? Что вам стоит?

– У меня слуха нет! – чуть ли не с яростью прошипела наша руководительница. – Меня слушать нельзя! Всем плохо будет! Так что давайте кто-нибудь другой! Вот вы, Любовь Николаевна, наверняка поете хорошо!

Приговоренная к исполнительству Любовь Николаевна испуганно заверила, что поет плохо и вообще песен не знает, и нагловато усомнилась, что со слухом начальницы все так скверно.

Откровенно веселящийся муж Веры Гавриловны подтвердил:

– Правда-правда, не думайте, что она стесняется! Она когда дома что-то напевает, я всегда в другую комнату ухожу. Чтобы не помереть прежде времени. От смеха.

Вера Гавриловна гневно на него уставилась, молча обещая медленную и мучительную смерть. Тут, спасая нас всех от неминуемой расправы, Лизонька спокойно пообещала:

– Да я спою, не беспокойтесь. Меня петь еще в музыкальной школе научили. Это не проблема. Главное, чтоб горло потом не заболело.

Макс с откровенным восхищением на нее посмотрел, и я стремительно отвела глаза. И за что мне это? Что я такого в этой жизни натворила? Или, может, в каких-нибудь прошлых? Куртизанкой была, к примеру? Или, может, семью разбила? За что теперь и расплачиваюсь?

Приложила руки к горящим щекам. Так, я опять похожа на спелую помидорку! Из-за шампанского или близости Макса? Выяснять первопричину не хотелось, и я попыталась сосредоточиться на выступлениях соперничающих отделов.

А они старались! Кто пел всем отделом, кто трио, кто дуэтом, но соло не выступал никто. Последние песни начинались не на междометия, междометия были посредине текста, но что делать? Песен мало, отделов много.

Но вот остался наш отдел, последний, и Олег Геннадьевич кинул многозначительный взгляд на наш столик.

Лиза без всякого стеснения вышла к елке. А чего ей стесняться? Она хороша, и прекрасно это знает. Макс как-то судорожно выдохнул, и я тайком взглянула на него. Он со священным трепетом любовался Лизонькой. Думаю, так посетители Лувра любуются картиной Леонардо Да Винчи «Мона Лиза». Да, Лизонька шедевр своего рода, но для чего ее так явно обожать? Она человеком хочет быть, а не иконой.

Перевела взгляд на Лизу. Она уже перекинула через плечо лямку отобранной у Деда Мороза гитары, провела рукой по струнам, вслушиваясь в их звучание, и запела:

«Ах, зачем эта ночь так была хороша!

Не болела бы грудь, не страдала б душа!»

Эту песню еще никто из отделов не спел. Да ежели бы и спел, на это никто бы и внимания не обратил, потому что пела Лиза хорошо. Волшебная мелодия, красивый голос, народ заслушался. Даже Лешик отставил стакан с водкой и пригорюнился, внимая горестной истории.

Потом все разом захлопали, заставляя бедную Лизу петь еще и еще. Она спела песен семь, но публика неистовствовала, оглушительно хлопая и требуя «бис!». Если бы не генеральный, вставший со своего места и решительно прекративший ее сольное выступление, Лизонька точно бы охрипла.

Олег Геннадьевич подвел ее к нашему столику, Макс тут же поднялся навстречу. Усадил на стул, поцеловал руку, интимно глядя в глаза. У меня прервалось дыхание, и я схватилась за почему-то вновь полный бокал шампанского. Выпила, а потом спохватилась: что я делаю? Мне же до дома будет своими ногами не дойти!

Ну да ладно, что сделано, то сделано.

К нашему столику подошел улыбающийся Дед Мороз с бутылкой французского шампанского. Хотел вручить ее Лизоньке, но ему наперерез поднялась Вера Гавриловна.

– Я начальник этого отдела, мне и призы принимать! – она решительно выдернула бутылку у обескураженного таким поворотом Деда Мороза.

Я его прекрасно понимала. Он наверняка рассчитывал не только ручку Лизоньке пожать, но и к щечке приложиться, а тут такой облом. Ладно-ладно, у самого Снегурочка очень даже недурна, нечего на посторонних красоток заглядываться.

Он ушел, сердито вздернув искусственную бороду, а Вера Гавриловна горделиво посмотрела на бутылку, передала ее мужу Любови Николаевны и распорядилась:

– Виктор Михайлович, налейте дамам шампанское, мужчинам – водки!

Тот молча исполнил поручение.

– За наш дружный отдел! – провозгласила Вера Гавриловна. – И за нашу героиню! – она отсалютовала бокалом Лизоньке. – Пьем до дна!

Я с сомнением посмотрела на шампанское. Не слишком ли? Четвертый бокал! Да я после него встать не смогу, это точно! Но под угрожающим взглядом начальницы выпила бокал до дна.

К чему мне лишние неприятности? Все знают, что обиды, даже надуманные, Вера Гавриловна не прощает. Вот сейчас закушу получше, и все пройдет. Я положила в рот кусок колбасы и принялась жевать. Шампанское было холодным, очень вкусным, и сервелат его вкуса перебить не смог.

Пока я боролась с послевкусием шампанского, Дед Мороз со Снегурочкой тихо исчезли. Заиграли вальс, и Макс, поднявшись, с поклоном пригласил Лизоньку на танец. Она согласилась, и они грациозно поплыли вокруг елки. Я на них не смотрела. Зачем? Мало мне расстройства? Я уже сотню раз за этот вечер пожалела, что согласилась пойти.

Наши дамы ушли танцевать со своими половинками, и за столом остались только я и Марья Ивановна.

– Слушай, Катя, ты сегодня так хороша, просто прелесть!

Я с удивлением на нее посмотрела. Что это с ней? С чего это она вдруг решила поднять мою самооценку?

– Не смотри на меня так скептически, я правду говорю! – Марья Ивановна понизила голос и для чего-то сказала: – Лизонька все равно Максу от ворот поворот даст. Вот и не зевай!

Нет, это уже слишком! Похоже, что актриса из меня никакая. Зря я сюда заявилась, ох, зря!

– Не напрасно же тебя Лиза на сегодняшний корпоратив чуть ли не силой притащила! Она тоже все понимает!

Я покраснела, хотя, казалось, сильнее краснеть уже некуда.

Марья Ивановна сочувствующе пожала мне руку.

– Да ты не переживай, просто будь посмелее, и все! Никого ни от кого ты не отбиваешь, это даже не обсуждается! Если бы у Лизоньки на Макса были какие-то виды, а то…

Спасая меня от душераздирающих откровений, передо мной возник Игорь Петухов из отдела автоматизации и чуть иронично поклонился, протягивая руку. Забыв, что вальс я вообще танцевать не умею, тут же вскочила и позволила увести себя на танцпол, спасаясь от сентенций сверхромантичной Марьи Ивановны.

Игорь закружил меня в вальсе, крепко прижав к себе. Странно, никакого дискомфорта я не ощутила, хотя обычно терпеть не могу мужчин, нарушивших мое личное пространство. Что это? Действие шампанского, или я начинаю забывать приставания отчима? Хорошо бы, а то здорово жить мешает эта вечная боязнь навязанного интима.

Прогнувшись, чтобы стать хоть немного подальше, я бездумно отдалась мелодии, решив, что если я и наступлю пару раз на ноги партнера, это не смертельно.

– Ты сегодня дивно хороша, Катюша! – Игорь мило мне улыбнулся и подмигнул. – И танцуешь ты хорошо, и вообще само очарование.

Я посмотрела на него из-под полуприкрытых век. Просто от шампанского вкупе с вальсом сильно кружилась голова, а с прикрытыми глазами она почему-то кружилась меньше.

– Это комплимент?

Я хотела добавить «благодарю!», но не успела, Петухов засмеялся и заявил:

– Это факт, Катюша, признанный всеми мужчинами в этом зале.

Посмотрела вокруг. В самом деле, многие посматривали на меня с одобрительными улыбками. Даже проплывающий мимо генеральный как-то фривольно подмигнул и показал большой палец. Мне это не понравилось.

Олег Геннадьевич был известен некоторой ммм… излишней снисходительностью к красивым сотрудницам. Не безвозмездно, конечно. Ходили упорные слухи, что почти все начальницы отделов становились таковыми только после… определенного испытания. Но мне подобное испытание проходить вовсе не хотелось. Я карьеру делать не собиралась. Мне и так хорошо.

Игорь говорил что-то еще, но я его больше не слушала. Испытывая мою выдержку, рядом с нами легко кружились Макс с Лизой, и я с завистью посмотрела на блистательную пару. И тут же насторожилась: Лиза улыбалась Максу безжизненной кукольной улыбкой, элементарно желая очутиться где-нибудь подальше отсюда.

Вальс кончился, Игорь с подчеркнутым восхищением меня поблагодарил за незабываемый танец и отвел на свое место. На нас вопросительно поглядывали наши дамочки, но напрасно. Игорь примерный семьянин, и за грань ни к чему не обязывающего флирта никогда не выходит. Это даже наша Любовь Николаевна уяснила после нескольких провальных попыток.

Вернулись и Лиза с Максом. Виктор Михайлович подсел поближе и завел с Максом какую-то нудную беседу про компьютеры и компьютерное обеспечение,

мне это было совершенно неинтересно.

Посмотрела на Лизу. Она рассеянно поглядывала вокруг и снисходительно улыбалась. Проследила за ее взглядом и тоже усмехнулась. Под быстрый танец вокруг нас прыгали все офисные красотки, явно пытаясь доказать Максу, что они ничуть не хуже его спутницы.

Это и в самом деле было смешно. С кем они собрались конкурировать? С Лизонькой? На мой взгляд, это то же, нежели на ринге легковес вздумал бы боксировать с тяжеловесом. Был бы сметен одним ударом, или, в данном случае, одним взмахом ресниц.

Я перевела понимающий взгляд на Лизу, и она мне подмигнула. С каким-то коварным намеком. И, пока я соображала, что к чему, она что-то прошептала Максу. Тот обреченно посмотрел на меня, поднялся и пригласил на танец. А я даже не заметила, что снова звучит этот чертов вальс!

И вот я опять кружусь в вальсе, на этот раз венском. Голова тоже кружится. И не от выпитого шампанского, а от близости Макса. Хотя он держит меня гораздо дальше, чем Игорь, но мне все равно кажется, будто я слышу стук его сердца. Или это пульсирует в моих ушах мое собственное сердце?

Макс натужно улыбается, но что мне до этого? Я и так знаю, что никаких добрых чувств он ко мне не питает. Злых, впрочем, тоже. Сплошная индифферентность, одним словом. Но я все равно улыбаюсь ему, как самому дорогому в своей жизни человеку, и ничего с этим поделать не могу.

Внезапно Макс чертыхнулся и чуток сбился с ритма. Что случилось? Поворачиваю голову и пораженно наблюдаю необычную картину: Илья, наш конторский недотрога, кружит по залу несколько растерянную Лизоньку.

А после того, как она поправила Илье галстук, Макс вообще слишком сильно сжал мою талию и что-то злобно пообещал. К счастью, не мне. Подвальсировал поближе к танцующему конкуренту и посмотрел на него так… предупреждающе? Это определение не совсем подходило под откровенно свирепый взгляд, но мне нравилось больше. К моему удивлению, в ответ Зайцев нахально подмигнул Максу, отчего тот поморщился и откровенно заволновался.

К счастью, танец окончился. Мы с Максом пошли к своему столику. Он учтиво отодвинул мой стул и усадил меня, но Лиза с Ильей так и остались посреди зала, о чем-то говоря. Макс замер в охотничьей стойке. Кулаки у него внушительно так сжались. Я как наяву увидела, как этот немаленький кулак впечатывается в скулу Ильи, и тоже забеспокоилась. Вот только драки тут и не хватало.

Но Лизонька мило так постучала по груди Зайцева, призывая опомниться, и они пошли к нашему столу. Макс вклинился между ними, не дожидаясь, когда они подойдут поближе, и приложился к ее щеке, будто поставил свое клеймо. При этом он с таким откровенным предостережением посмотрел на Илью, не разжимая кулаки, что тот молча отошел с застывшей улыбкой на хмуром лице.

Лиза сердито посмотрела на Макса, и я с острым сожалением поняла, что вижу его в последний раз. Какого лешего демонстрировать свои весьма и весьма призрачные права?

После массового прыгающего танца заиграло томное танго, и ко мне вдруг подвалил едва стоящий на ногах Лешик! Я и не думала с ним идти, но злокозненная Марья Ивановна сильным толчком подняла меня со стула и отправила ему прямо в корявые ручонки! Вот черт! Никогда не подозревала, что она такая сильная!

Лешик от моего наскока на свою грудь пошатнулся, но устоял. Я угрожающе посмотрела на Марью Ивановну, та спокойно беседовала с Виктором Михайловичем, типа она тут ни при чем. Лешик потащил меня к елочке, обхватив за талию. Подозреваю, что она служила ему скорее опорой, чем местом приложения силы.

– Какая ты страстная! – заявил он, ведя меня совершенно невпопад. – Просто жуть! Никогда не подозревал!

От него тянуло непередаваемым букетом из водки, вина и шампанского. Похоже, он продегустировал все напитки в зале. И даже не продегустировал, а ополовинил. Крепко обхватив меня обеими руками и плотно прижимаясь ко мне с единственной целью не возлечь на скользкий пол, он интимно поведал:

– Слушай, Кать, поедем после корпоратива ко мне, а? – при этом он устало опустил мне на плечо свой подбородок, для чего ему пришлось согнуться,

превратившись в странную букву зю.

– Зачем? Боишься, до дому сам не дойдешь?

Он покорно согласился:

– И это тоже. Но к утру я буду как огурчик, вот увидишь!

– Я огурцы не люблю. Причем ни в каком виде. – Я двинула его плечиком, заставив выпрямиться.

– И чего ты такая несговорчивая? Я бы, может, даже замуж тебя взял. – Он оценивающе посмотрел на меня и поклялся: – Правда-правда. Вот те крест!

Он оторвал одну руку от моей талии и попытался перекреститься, но тут его подвели ненадежные ножонки. Чтобы не грохнуться на каменный пол вместе с ним, мне пришлось обхватить его руками за пояс и удержать.

– Слушай, – обрадовано прошептал он мне громовым шепотом, который расслышали все танцующие рядом, – а так гораздо лучше! Не отпускай!

В общем, в моих надежных объятиях он так и дотоптался на одном месте до конца этого сверхтомного танго. Потом я отвела своего кавалера на его место и сдала с рук на руки Владимиру Ивановичу. Тот укоризненно крякнул и, приняв от меня эстафету, скинул своего сотрудничка на стул.

Похихикивая, потому что удержаться не смогла, вернулась к себе.

Умиравшая со смеху Лизонька тут же спросила:

– И как тебе этот знойный кавалер?

– Если б у меня сил было побольше, то даже понравился бы. А так я устала сильно. Уж очень он тяжелый, держать трудно.

– Ну, ты же его вела, как кавалер даму, – заметил тоже веселящийся Виктор Михайлович. – Потому и тяжело было.

– А иначе никак. Он бы просто растянулся под елочкой.

– Так и пусть бы полежал. Отдохнул бы немного.

– Да я и не против. Но он так за меня уцепился, что отдыхать мы бы устроились вместе. А мне это не нравится. Я комфорт люблю, а на полу слишком твердо. И холодно.

Села на место и угрожающим шепотом осведомилась у Марьи Ивановны:

– А зачем это вы меня с Лешиком танцевать отправили?

Та с недоумевающим видом поразилась:

– Я? Да никогда! Ты что-то путаешь!

– Понятно. Позабавиться решили, – сделала я вполне логичный вывод. – Ну и как, весело было?

Удержаться в роли неправедно подозреваемого Марья Ивановна не смогла.

– Весело! – легко согласилась и добавила: – Видела бы ты свое лицо! Глаза горят, щеки пылают, хорошенькая такая, жуть! Тобой все любовались, не вру!

– А мне Лешик сказал, что я страстная, и домой к себе звал.

– Ну, это он зря. Что б он с тобой делать стал, когда проспался?

– Вот и я о том же. Вы уж, Марья Ивановна, будьте так любезны, больше мне таких ухажеров не подсовывайте.

Та таинственно усмехнулась.

– А я тебе их и не подсовываю. Я это для того, чтоб на тебя некоторые со стороны посмотрели. – И сумбурно добавила: – Большое, оно, как ты знаешь, видится на расстоянии. Есенин, он не дурак был.

Какие некоторые? С какой стороны? Большое, это что, я? Тихо вздохнула. О чем это она? Что-то я раньше в ней столь вопиющей неадекватности не замечала. Или это я чего-то не понимаю вследствие излишних возлияний?

Пока я сумрачно размышляла об окружающих меня интриганках с матримониальными замашками, к нашему столу подошел Владимир Иванович с двумя бутылками шампанского.

– Вот, примите, пожалуйста. Как говорится, от нашего стола вашему. Так сказать, в возмещение морального ущерба. – И уже конкретно мне: – Я понимаю, Катенька, танцевать с нашим Лешиком – это настоящий подвиг.

Мне стало неудобно.

– Да ладно вам, Владимир Иванович! Лучше распейте шампанское с коллегами. Это же ваша доля.

– А у нас никто шампанское не пьет. Мы одну-то бутылку еле-еле одолели, да и то лишь оттого, что традиции требовали. Мы как-то больше водочку уважаем, – и он бросил скептический взгляд на Лешика, который снова наливал себе живительной жидкости. – Но хорошо уже то, что он песен блатных нам не поет и стишки пошловатые не рассказывает. Уж и на том ему спасибо.

Любовь Николаевна встала и твердой рукой забрала бутылки.

– Спасибо, Владимир Иванович! А то крепких напитков купили много, а о нас, нежных созданиях, которые водку не пьют, не подумали. – Она королевским жестом по-братски поделила бутылки между Максом и мужем, и распорядилась: – Открывайте!

Они покорно открыли бутылки и налили шампанское дамам. Женщины спокойно выпили вино, а я опасливо вертела в руках бокал, сомневаясь, стоит ли его пить. У меня еще от предыдущих порций в голове шумело.

Увидев мой саботаж, дамы сердито потребовали не отставать от нашего дружного коллектива. Я вопросительно посмотрела на Лизоньку, та многозначительно показала мне пустой бокал. Я растерялась. Она уже выпила? Но по ней незаметно, чтоб она вообще что-то пила.

Поняв мои сомнения, она горделиво заявила:

– Привычка. Ты пей, пей, не стесняйся. Ежели что, проконтролируем.

Пришлось выпить. Ух ты, как сразу изменилась жизнь! Мне тоже, как Лешику, захотелось спеть, причем во все горло, и стишки рассказать. Но не пришлось. Загвоздка была в том, что пошлых я не знала, а лирические в нетрезвой компании точно бы не оценили.

Дошедший до нужной кондиции коллектив решил вспомнить пропетые на междометия песни и начал с общеизвестной «Ой, мороз, мороз». Я с удовольствием подтягивала, ничего не стесняясь. Макс, искоса на меня поглядывавший, подлил мне еще шампанского и сказал:

– У тебя голос красивый, и поешь ты хорошо. Ты когда-то в хоре пела? Или, может, в музыкальную школу ходила?

– Не-а, я с бабушкой пою. – И влилась в общий хор. На сей раз пели «Ой, цветет калина».

Макс еще как-то странно на меня посмотрел, но мне уже было все равно. Закончили песню, затянули другую. Почувствовав, что в горле пересохло, я посмотрела по сторонам. Минералка давно кончилась, поэтому пришлось взять бокал с шампанским и выпить его. Шампанское согрелось, пузырьки исчезли, и оно мне даже в нос не ударило. Пошло за сок.

Потом Макс с Лизой ушли танцевать, а к нам подсел Олег Геннадьевич. Точнее, ко мне. Мне бы насторожиться, но в моем крайне благодушном состоянии мне было все трын-трыва.

– Вы очаровательны сегодня, Катюша, – генеральный был сама любезность. – И почему я вас раньше не замечал?

Откуда мне было знать, почему он меня не замечал? Я промолчала, вопросительно глядя на него. Это у меня условный рефлекс взыграл: если рядом генеральный, то меня какое-нибудь задание ждет паршивое. Он гнусненько так ухмыльнулся и предложил:

– Пойдемте в мой кабинет, Катюша? Поговорим?

Так я и знала! У всех праздник, а меня сейчас за работу посадят! Заставит проверить отчет филиала или срочно ответ подготовить в контролирующий орган, или еще какую-нибудь гадость всучит. И почему всегда мне? Вон начальница наша сидит, ей бы и поручения давал.

Я ему на это намекнула, причем довольно прозрачно, но он твердо заверил:

– Вера Гавриловна с этим не справится, гарантирую. Пойдемте, там нам никто не помешает.

Если бы я была в адеквате, никуда после слов «нам никто не помешает» не пошла. Но, поскольку в голове была новогодняя вата, вздохнув, поднялась с места и тут же покачнулась. Так, какой из меня в данной ситуации специалист? Да никакой!

Довела этот факт до сведения начальника, он только посмеялся и обнял меня за талию. Повел к выходу, что-то успокаивающе приговаривая. Я оглянулась. На меня изумленно глядели все сотрудники нашей конторы. И чего они так смотрят? Будто меня на казнь ведут или чего похуже.

Мы почти дошли до дверей, когда к нам элегантно подтанцевали Макс с Лизой.

– Ой, Олег Геннадьевич, как хорошо, что вы Катю прихватили! Мы как раз домой едем и ее подвезем! – Лизонька беспардонно отцепила меня от генерального и подтолкнула к Максу.

Он подхватил меня одной рукой, другой открыл дверь, и мы оказались на лестничной площадке. Потом я как-то уж очень быстренько взлетела на наш этаж, подозреваю, на его руках. Очутившись в родном отделе, обескуражено посмотрела по сторонам. Найдя отчего-то расплывающуюся Лизу, укоризненно

попеняла заплетающимся языком:

– Олег Геннадьевич мне какое-то задание дать хотел, а ты меня украла! Он будет жутко недоволен.

Лизонька мрачно покивала.

– Недоволен, это точно! Но ты одевайся давай, мы домой едем.

Я с трудом натянула сапоги и, прищурившись, посмотрела на свою куртку. Их было две! Поморгав, я снова посмотрела на нее. Теперь их стало три! Я попыталась взять крайнюю, но промахнулось. Пригорюнилась, понимая, что со злокозненной курткой мне не справиться. Не дожидаясь следующей попытки, Макс молча натянул куртку на меня, Лиза взяла и свою сумочку и мою, натянула на меня шапку.

– А ты? – проявила я заботу о ближнем.

В ответ Лизонька махнула рукой.

– Я шапки не ношу. Я же не езжу на общественном транспорте и пешком не хожу. Хотя порой так хочется… – она тяжело вздохнула, и я ей от души посочувствовала.

В самом деле, ей даже на рейсовом автобусе покататься не дают! Дискриминация, однако…

Видимо, я сказала это вслух, потому что Макс глухо хохотнул и сказал:

– Забавная она какая.

– Катя вообще очень хороший человек. – У Лизы это прозвучало уж слишком прочувствованно. – И с юмором.

Хм… ей вполне можно свахой на брачном рынке подрабатывать. Вот сократят нашу контору, и откроет она брачное агентство. Может, и меня в хорошие руки пристроит…

Макс захохотал уже открыто и распахнул передо мной дверь. Выйти из кабинета оказалось почему-то на редкость сложно. Проход оказался липовым, и я ударилась об стену. Удивилась и попробовала еще раз. Опять неудача. Тогда Лизонька взяла меня за руку и провела сквозь стену.

Вот это да! Есть еще чудеса на этом свете!

Макс спросил почему-то у Лизы:

– Может, мне ее на руки взять, как ты думаешь?

– Нет, нет, не будем привлекать к себе излишнего внимания! – во мне проснулось мое неистребимое благоразумие. – А то еще решат, что я вас у Лизы отбиваю! Мне такой славы не нужно!

– Ну, не нужно, так не нужно, – покладисто согласился Макс. – Но идти-то ты все равно не можешь!

Я демонстративно пошла вперед, и внезапно наткнулась на стену, которой не было! То есть на ощупь она была, но я ее не видела! Такие шутки со мной стены еще не шутили.

Во избежание дальнейшего моего лобызания со стеной, Лиза подхватила меня с одной стороны, Макс с другой, и мы тесной компашкой добрались до лифта. Спустились и дружненько так вышли из здания.

На улице курили сотрудники, охлаждающиеся после жаркой встречи Нового года. Почти все были без пальто, на что я им заботливо и указала, предупредив о возможных весьма неблагоприятных для них последствиях. Они поблагодарили меня за внимательность к их скромным персонам и пригласили присоединиться, даже сигаретку предложили, но Лизонька решительно воспротивилась.

– Нет, спасибо, курение вредит нашему здоровью!

И меня эвакуировали дальше, до машины. Сидя на переднем сиденье, я позволила Максу себя пристегнуть, и обессилено уронила бедную голову на спинку сиденья. Все вокруг кружилось, но зато легкость во всем теле была

необыкновенная.

– Катя, ты что, вообще не пьешь? – Макс аккуратно выехал на дорогу и почему-то взлетел. Огни домов слились в одну сплошную линию, и я испугалась.

– Слушай, давай помедленнее, а? – взмолилась, закрыв глаза. – Ты же не на самолете. Это автомобиль! Ему не положено летать!

– Да у меня скорость всего сорок кило! – почему-то возмутился он.

Но физику я помнила. Я ее на всю жизнь запомнила. Эта физика мне до сих пор снится. В кошмарных снах. Поэтому я твердо указала ему на несоответствие:

– Неверно! Кило – это мера веса, а не скорости!

– Ну-ну! И все же, ты вообще не пьешь?

Но биологию я тоже знала!

– Человек не пить не может! Он без питья сразу умрет, вот! Поэтому я пью! Не менее полутора литров в день!

– Да? Чудненько, а я этого и не знал!

Интересно, он так шутит или в школе не учился? Пока я просвещала его на этот счет, машина затормозила. Макс повернулся на сто восемьдесят градусов (да-да, геометрию я тоже помнила!), взял у Лизы мою сумку и велел:

– Лиза, мне придется доставить ее домой. Закройся в машине и не выходи!

Доставить? Меня? Я что, багаж?

Начала, путаясь, объяснять ему разницу между одушевленными и неодушевленными предметами. Со словами:

– Да, да, конечно, я все понял, – он извлек меня из салона и повлек к дверям. – Карта где?

Мне почему-то представилась карта географическая, с горами, морями, океанами, материками, исчерченная вдоль и поперек тонкими линиями параллелей и меридианов.

– Эээ… нет ее у меня с собой. А зачем тебе она? Ты хочешь вспомнить, где какая столица? Для этого атлас нужен. Политический. Дома есть.

Он похмыкал, но серьезно пояснил:

– Нет, мне карта допуска нужна. В твой подъезд.

Только тогда до меня дошло. Я замедленно взяла сумочку, открыла молнию и задумчиво уставилась в ее темное нутро. Интересно, а где же карта?

Но размышлять мне не дали. Макс протянул руку и беспардонно вытащил из бокового кармашка моей сумки проходилку. Интересно, откуда он знает о моих привычках?

– Ты в прошлый раз ее доставала, я видел, откуда. Так что ничего криминального в моих действиях нет.

Он провел ею по дисплею, дверь открылась.

– Прошу! – Макс изобразил шутовской поклон и убрал карту на свое место. Но сумочки мне не отдал.

Это было невежливо, и я принялась рассказывать ему о правилах хорошего тона. Я их знала, потому что бабушка с детских лет вбивала в мою голову эти чертовы правила.

Макс взял меня под руку, завел в подъезд. Дверь аккуратно закрылась за нами сама. Я продолжала вещать про этикет, он немного послушал, пытаясь затащить меня по лестнице на первый этаж, потом выдал:

– И не предполагал, что ты такая забавная, когда переберешь.

Я не поняла.

– Чего переберешь? Или кого переберешь? Ты это о чем?

Макс сообразил, что для быстроты доставки доставлять меня лучше на руках. Подхватив, взбежал со мной на мой третий этаж и попытался поставить возле дверей.

Но не тут-то было! Мне очень понравилось сидеть у него на руках. Или лежать? В принципе, это было неважно. Я обняла его за шею и нежно прошептала:

– Ты мой герой! Как жаль, что больше я тебя никогда не увижу! – и, закинув руки ему на шею, в прощальном поцелуе прижалась к его губам.

Он оторопел. Отвертеться от насильного поцелуя он не мог, бросить меня посреди коридора ему не позволяло воспитание, а я все никак не могла оторваться от его губ. И Макс вдруг мне ответил! Он провел языком по моим губам и принялся целовать меня сам!

И тут раздался звук поворачиваемого в замке ключа. Бабушка! Макс моментально поставил меня перед дверью, пытаясь заслониться мной. Видимо, забыл, что я его ниже сантиметров на двадцать пять.

Бабушка выглянула и внимательно на нас посмотрела, задержалась на моих губах и перешла к обзору губ Макса. Он понял, что скрыться не удалось. Поздоровался и нагло заявил:

– Вот, доставил вашу внучку. Хороший был корпоратив! – и тут же удрал, оставив меня стоять посредине лестничной площадки.

Вот ведь свинство! И как мне теперь зайти в собственную квартиру? В нее две двери! Нет, три! Или все-таки две?

Пока я таким образом выясняла количество дверей, бабушка спокойно взяла меня за руку и втянула внутрь. Потом помогла раздеться, помыться и отвела

спать. Уложив, подоткнула одеяло и совершенно спокойно, как будто я каждый вечер заявлялась домой в подобном неадеквате, сказала:

– А ведь его к тебе тянет, Катя, и сильно тянет. Только вот он этого не понимает, ослепленный Лизиной красотой. Интересно, что будет дальше?

Это и мне сильно-сильно хотелось узнать. Но не сейчас. Сейчас мне хотелось лишь одного – спать.

Глава четвертая

Утро было странным. Проснувшись, я никак не могла понять, что сегодня за день. То ли будильник еще не звонил, то ли выходной сегодня. Путем сложных сопоставлений я так ни до чего додуматься не смогла. Пришлось протянуть руку, взять телефон, посмотреть на дисплей. Суббота. Это хорошо, а то на работу отчего-то жутко не хотелось. И чего так болезненно булькает в желудке? Какое-то неприятное несоответствие бодрому довольно-таки настроению.

Пристально поглядев в потолок, вспомнила, что вчера был корпоратив. Похоже, я там несколько перебрала. Отсюда и непонятки в животе. Наверняка бабушка будет ругать. Ох, и стыдно! Поплелась на кухню с повинно опущенной головой.

Бабушка, как обычно, хлопотала по хозяйству, одновременно готовя борщ. В духовке тоже стояло что-то вкусненькое. Села за стол, пригладила взлохмаченные волосы и виновато прошептала:

– Бабушка, ты не сердишься?

Она удивленно на меня взглянула и уточнила:

– За что я должна вдруг на тебя сердиться?

– Ну, я же вчера домой пришла… ну…

Бабушка рассмеялась.

– Ты смешная вчера была, это правда. Но это не страшно.

Но меня все равно терзали угрызения совести.

– Бабушка, мне так стыдно! Хотя ничего крепкого я не пила, но мне все равно хватило, чтоб стать посмешищем…

Она легонько погладила меня по голове, как маленькую, и лукаво успокоила:

– Ну что ты! Ты вовсе не посмешище. Вот если б ты водку пила, тогда другое дело. Вот тогда бы ты в самом деле могла бы стать посмешищем. А так все в порядке. Посмотри в зеркало. У тебя даже мешков под глазами нет, да и сами глаза не мутные, как с перепою бывают. И отечности на лице никакой нет. Так что ничего страшного не случилось. Первый опыт, он зачастую бывает неудачным. Не обращай внимания.

Я, в принципе, и не обращала бы на это внимания, если бы могла вспомнить конкретно, что же я вчера вытворяла.

– Бабушка, я вчера сама пришла?

– Да нет, тебя Макс привел. Даже предполагаю, что принес. У меня такое стойкое убеждение, что вы на прощанье с ним целовались.

– Целовались? – из горла раздался возмущенный писк. – Как? Как мы могли целоваться, когда он за Лизой ухаживает, причем с серьезными намерениями? Нет, этого не могло быть!

– Ну, не знаю, не знаю, – бабушкина уверенность была настолько твердой, что ее можно было резать ножом, – губы у вас обоих были красные и опухшие. Я даже пожалела, что слишком рано выглянула. Помешала. Так, глядишь, до кое-кого что-то бы и дошло. А если учесть, что Макс жутко покраснел, то ваш поцелуй имел место, это даже и не обсуждается.

Я задумалась, уныло обхватив свою бедовую голову руками. Макс сам меня никогда целовать бы не стал, это однозначно. Так что инициатор лобызанья явно не он. Но как это случилось, – не помню! Ничегошеньки не помню! Чем я вчера занималась? Помню, как выпила пятый бокал шампусика, и на этом все!

Решив не гадать, позвонила Лизе. Она-то должна помнить, что там было, в конце-то концов, у нее опыт в подобных мероприятиях куда больше моего.

– Лиза, слушай, что вчера было? – боязливо осведомилась, боясь услышать какую-нибудь о себе гадость. – Не помню ничего! Я ничего такого не вытворяла?

– Нет. – Лиза была несколько озадачена моим странным вопросом. Конечно, у нее никогда сумеречного состояния после возлияний не бывало. Результат большого опыта? – Посидели, немножко выпили, поболтали, потанцевали. – Насчет «немножко выпили» у меня были определенные сомнения, особенно в отношении себя, но возражать я не стала. – Повеселились и поехали домой. Только вот ты к Олегу Геннадьевичу зря в кабинет пошла.

– К кому? К Олегу Геннадьевичу? – я не могла поверить услышанному. – Господи? Что меня туда понесло?

– Ну, ты сказала, что он собирался дать тебе какое-то поручение.

– Поручение? – В голове непроизвольно возник процесс исполнения этого самого поручения. Я удрученно покраснела. – Ты серьезно? Наедине с ним в его кабинете? – и безнадежно уточнила: – Н-да, после выполнения подобных «поручений» дети рождаются.

Лиза засмеялась и сказала:

– Не волнуйся, Катюш. Мы с Максом тебя вовремя спасли. Нагло отобрали у генерального и увезли домой.

– Это, конечно, хорошо, – уныние меня не покидало, так же как и опасение за свое отнюдь не блистательное будущее. – Только как я с ним объясняться буду в понедельник? Он же мужик упертый, он наверняка продолжения захочет. Хотя, если увидит меня в обычном виде, то, может, оно и обойдется. – В это верилось с

трудом, но нужно же верить в лучшее?

– Скажешь «нет», только и всего. Он прекрасно знает, что за домогательства с использованием служебного положения наказание весьма серьезное.

– Это да. Но только после этого обвинения мне в нашей конторе не работать. И вообще в нашем городе не работать. Потому что реноме у меня будет сама понимаешь какое. И с чего он вдруг ко мне-то пристал? Столько вокруг баб красивых. Я им и в подметки не гожусь! – это был крик моей потрясенной души.

– Ну как же, Олег Геннадьевич известный ценитель женской красоты, а ты вчера была дивно хороша.

Я задумалась. «Хороша» в каком смысле? В смысле красоты или степени опьянения?

– И чем ты так недовольна? – подначила меня Лизонька. – Вполне карьеру могла бы сделать.

Мне стало как-то уж очень грустно.

– Не хочу я карьеру делать, особенно таким путем.

– Ну, не хочешь, и не надо. Ты же знаешь, он не будет со мной связываться. – Тут кто-то еще с ней заговорил, Лиза быстренько передо мной извинилась и отключилась.

Хм… С Лизой-то генеральный связываться не будет, это факт. Какой дурак связывается с дочкой олигарха? Но вот я-то не дочь олигарха. И Олег Геннадьевич вполне может предложить мне то самое ответственное задание, выполнение которого так нахально прервали Лизонька с Максом.

И я даже знаю, где это произойдет: в его кабинете, а конкретно в личной комнате при означенном кабинете. Там для этого все условия есть, и даже туалетная комната с душем имеется.

Но – не хочу! А если не хочу выполнять поручения начальства, то нужно быть готовой к увольнению по собственному желанию. И я как чувствовала неприятности, отказываясь идти на этот дурацкий корпоратив.

К моему удовольствию, бабушка испекла капустный пирог и манник. Вкуснота! Хорошая еда всегда примиряла меня с несовершенством этой жизни, и я оптимистично решила не паниковать раньше времени. Вот когда неприятности наступят, тогда я и буду с ними бороться по мере необходимости.

А пока буду просто кайфовать.

Включила компьютер, открыла скаченную позавчера игрушку и принялась бродить по локациям, решать головоломки и искать скрытые предметы. Игрушка была красивая, зрелищная, но мне так и не удалось избавиться от противненькой мыслишки: и как я буду смотреть в глаза Лизе после моего позорнейшего поцелуя с Максом? Пусть я и не помнила, как это произошло, но от этого еще более стыдно.

В понедельник постаралась выйти пораньше, чтобы не попасть на глаза Максу. Подошла к конторе за двадцать минут до начала работы, и Макс точнехонько в это время подвел свой мерседес к входу. Похоже, светлая мысль приехать пораньше, чтоб не столкнуться со мной, посетила его тоже. Вот черт! Как мне теперь незаметно проскочить? Или уж за углом подождать?

Я сделала плавный шаг назад, но уперлась в чью-то мощную фигуру. Оглянувшись, поняла, что насчет фигуры это я зря. Фигура-то как раз была довольно субтильная, просто пуховик на Лешике был весьма объемный, поэтому и создавал видимость внушительности.

– Привет! Куда это ты пятишься, роковая женщина-вамп? – радостный вопль фанфарона уничтожил все мои попытки остаться незаметной.

Выходивший из машины Макс повернул голову в нашу сторону, как-то неловко кивнул мне и помог выйти Лизоньке. Та, увидев меня, тотчас бросилась навстречу. Что это с ней? Едва кивнув на прощанье другу, ухватилась за мою руку и с моей помощью прокатилась на своих каблучищах по скользкому асфальту до дверей.

Уже миновав турникет, предложила:

– Давай кофе попьем?

Кофе у нас был двух видов: из кофемашины по весьма демократичным ценам, и у настоящего итальянца из настоящей Италии, устроившего в нашем холле небольшой кофейный уголок. Вот у него цены были вовсе недемократичные.

Естественно, Лизонька отправилась прямиком к нему. Лешик тут же отлип, ему подобные расценки были не по карману, он квартиру снимал, да еще и на выпивку тратился изрядно, и мы с Лизой остались одни, потому что покупать кофе у настоящего итальянца позволить себе могли немногие.

Купив чашечку, Лиза посмотрела на часы и села за столик, одиноко стоящий возле стойки. Я тоже не могла себе позволить выбрасывать приличные деньги на ветер, но совесть грызла. Решив, что лучшего места для извинений не придумаешь, ведь в отделе будут и Марья Ивановна и Любовь Николаевна, тоже купила кофе и обреченно отправилась следом за Лизонькой.

Она мне загадочно улыбалась, но мне было не до улыбок. Отпив глоток и не почувствовав вкуса, я принялась каяться:

– Извини меня, Лиза, но я после корпоратива была в полном неадеквате.

– Да, было немножко, – спокойно согласилась она. – Но это ерунда. Мы там практически все такие были.

– Ты трезвая была, – уличила ее во лжи. – Интересно, как тебе это удалось?

– Я просто алкоголь не пила. – Поделилась она со мной своим незаурядным опытом в деле обмана окружающих. – У меня в бокале газировка была. По виду как шампанское, а по действию гораздо менее возбуждающее. Но ты меня не выдавай, пожалуйста.

Сердито на нее посмотрев, я уточнила:

– Тебе газировку Макс наливал?

– Ну да. Мы ее в бутылке из-под шампанского принесли. Так что и не заподозрил никто. Я же тебе говорила, у меня большой опыт.

– Ты и в ресторанах так делаешь?

– Зачем? – она удивилась. – Только там, где пить заставляют. А я это не люблю. Вот и приходится… эээ… мухлевать.

– А почему ты мне газировки не наливала?

– Откуда я знала, что ты шампанского не хочешь? Ты мне ничего не говорила. К тому же ты такая хорошенькая после него была. Оживленная и веселая.

Я посмотрела на часы. Время поджимало.

– Ладно. Я тебе хотела сказать, что я Макса на прощанье поцеловала.

Думала, ей это не понравится, но Лизонька, обманув мои ожидания, довольно улыбнулась.

– Я догадалась. Он такой угрюмый был и губы красные. Здорово!

Здорово? Это она о чем?

– Ты не против? – у меня даже голос от неожиданности сел.

– Я только за! – Лиза радостно рассмеялась серебристым смехом. – Меня Макс уже доставать начал. Думала папе пожаловаться, а тут такой классный поворот.

– И что, даже жаловаться не будешь?

– Пока нет. – Коварно усмехнувшись, она вдруг ляпнула совершенную чушь: – Я хочу Макса на тебя переориентировать.

Я застыла, как жена Лота, превратившаяся в соляной столб. Посмотрев на меня, Лизонька махнула изящной ручкой.

– Не бери в голову! И пошли, рабочий день начинается.

Я залпом допила остывший кофе, и мы пошли к лестнице, на лифт было не пробиться. Принялись неспешно подниматься по неровным ступенькам. Я могла бы и побыстрее, но Лизоньке на ее высоченных шпильках по-другому было нельзя. Обгоняя нас, мимо пробегали сотрудники, главным образом мужчины.

Все они тормозили и вежливо с нами здоровались. И смотрели при этом почему-то на меня.

Что это с ними? – подумала я.

– Они поняли, что ты красивая женщина, – внезапно ответила мне Лиза.

Я повернулась к ней, не понимая, неужели я проговариваю свои мысли вслух? Она снова засмеялась.

– Нет, ты не говорила. Просто я тебя поняла. У тебя лицо такое озадаченное, что и вопросов никаких не надо.

Досадуя на себя, опустила предательское лицо вниз, и мы пошли дальше. Мимо пробежал Зайцев, едва мельком взглянув и пробурчав отрывистое «здрасьте». Лизонька проводила его неодобрительным взглядом и, дождавшись, когда он окажется вне пределов слышимости, сказала:

– Невоспитанный какой.

Невоспитанный? Это было странно. Илья всегда был терпелив и сдержан даже с нашими, далеко не самыми толерантными дамочками.

Мы подошли к своему отделу. Мне отчего-то ужасно не хотелось заходить. Слушать подначки Марьи Ивановны и вредные советы Любови Николаевны – тоже. Но работа есть работа, и я уныло вползла в кабинет вслед за Лизой.

– А вот и наша героиня! – с фальшивым восхищением вскричала Любовь Николаевна. – А что же ты сегодня не так хороша, как в пятницу?

– В каком смысле хороша? – я подозрительно уставилась на нашу вампиршу, в смысле женщину-вамп. – Не пьяна, вы хотите сказать?

– Она хочет сказать, что ты не так красива, как в пятницу, когда напрочь ее затмила, – Марья Ивановна была как сарказм ходячий.

Вздохнув, я попросила:

– Ой, хватит, пожалуйста! Я и так жутко пожалела, что на этот буйный корпоратив пошла.

– Почему пожалела? – Любовь Николаевна подошла поближе и даже в глаза мне заглянула, в полной уверенности, что я кокетничаю. – Ты и в самом деле всем мужчинам понравилась. Мне даже муж сказал, что ты хорошенькая. А он мне такие вещи старается не говорить.

– Конечно, чтоб не провоцировать. Вы же как мачеха у Белоснежки, конкуренток не терпите. – Марья Ивановна, как обычно, не могла упустить возможность слегка покусать нашу красотку.

Но Любовь Николаевна на этот раз к подколке отнеслась вполне благодушно.

– Ага. Так оно и есть. Но Катя мне и не конкурентка. Она в своем стиле хороша, я в своем. Вот Лизонька – это да. Хорошо, что она к мужикам прохладно относится, а то нам бы всем плохо было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-gercik/zolushka-zhizn-posle-bala-kupit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити